

АНТОН УТКИН

Камелия

Издательство «Перо»
Москва 2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У84

Рисунок на обложке:
Марии Подкопаевой

Уткин Антон
У84 Камелия. – М.: Издательство «Перо», 2018. –
130 с.

ISBN 978-5-00122-673-4

Шесть рассказов Антона Уткина, действие которых происходит в Черногории, – это изящное сплетение из характеров и судеб, из смеха и слез, из невероятного и обыденного, из актуального и вечного. Этот сборник рассказов или, можно сказать, роман в новеллах, о связи времен и том, что мир прекрасен для тех, кто умеет видеть его красоту.

*Книга издана при поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и Союза российских писателей*

В авторской редакции

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-673-4

© Уткин А., 2018

КАМЕЛИЯ

Врдола – райский уголок. Обычно я езжу туда весной и осенью – уже много лет. Летом здесь невыносимо: зной даже не томит, а печёт, выжигает дыры в земле, и кустарники на склонах гор загораются от одного только солнечного жара. Зимой тоже не сладко: солнечные дни нередки, но чаще стоит тоскливый мрак, облака закутывают пространство мокрой грязной ватой, воздух пропитан влагой, точно половая тряпка, и, закуривая, не поймёшь, то ли видишь сигаретный дым, то ли мутную пелену действительности. Взгляд тогда ограничивается узким прямоугольником двора и блуждает от корявого ствола пальмы с тонущей в тумане верхушкой, оттуда к маленькому кустику камелии, потом к безымянному деревцу напротив террасы, к чахлому олеандру и опять к камелии.

Я привез её из Герцеговины, купил на рынке в Требинье.

О войне здесь уже ничего не напоминало, жизнь давно взяла своё и требовала того же от людей. Начиная с семи утра в гостиницу, где у входа гостей встречает фотографический портрет знатной и мимолётной постоялицы Моника Беллуччи, проникает тот особенный гул, отличающий уличные рынки. Торгуют цветами, мёдом, вязаньем, сыром и домашним вином. Если требуется сравнение, то лучшее всего подойдёт деловитое гуденье, которое создают пчёлы в ветвях цветущей липы.

Сказать по правде, мой дворик во Врдоле был пустоват даже с учётом того, что наведывался я сюда

не часто. Впрочем, дома старожилы стоят здесь так тесно и прилегающие участки настолько изобилуют зеленью, что условно можно считать её своей. Тем не менее, пышные соседские гроздья богомилы в октябре и пористые шары гортензии в мае как будто бросали мне укор, и у меня давно чесались руки что-нибудь посадить, но этими благожеланиями всё и ограничивалось.

На этот раз всё сложилось само собой, без усилий и раздумий. Не знаю, как летом, но в это время года в отеле безлюдно, разве что сами горожане, пересекая отполированную до блеска площадь, присаживаются выпить чашечку кофе в тени удивительно старых и нежных платанов, которые окружают гостиницу. Когда я присел там же, с любопытством скользя глазами по шумной толчее базара, мой взгляд упал на пожилого торговца цветами. В мешковатых джинсах он стоял ко мне спиной, товар был расположен перед ним на раскладном столике, а сбоку на плитах мостовой стояли в ряд четыре коричневых пластмассовых горшка с камелиями. Три были уже довольно рослые, одна совсем крохотная. На ней я и остановился.

Она была крепенькая, с пятью плотными здоровыми листьями, а в середине ствола расположился единственный красный цветок.

Я намеренно выбрал самую маленькую, чтобы не подгонять время. В этом была определённая честность, но об этом распространяться нечего, не то мой рассказ приобрёл бы излишние коннотации.

Место для посадки я определил в небольшом загончике земли, ограждённом незамысловатым каменным парапетом, рядом с пальмой, – как раз там, где

прибывшая ко мне беременная кошка выбросила и загрызла своего котёнка.

Садовник Савва, работавший у соседки, сказал, что камелия любит железо. В низком бетонном сарае на заднем дворе я нашёл несколько обломков арматуры, оставшихся от прежних хозяев, и под присмотром Саввы торжественно вверг их в землю недалеко от тоненького ствола.

Первые несколько дней я по многу раз придирчиво оглядывал своё приобретение, опасаясь, что оно не приживётся, но опасения оказались напрасны. Растение расположилось независимо, точно его не посадили, а оно само выросло тут из-под земли, и вообще смотрелось так, как если бы ему были невдомы мои страхи и оскорбительны сомнения.

* * *

Посадив камелию, я стал как все. Каждый двор здесь украшает камелия, а то и несколько разом. Кусты словно щеголяют друг перед другом окрасом цветов, иной раз довольно изощрённым. Но я довольствовался своей – с цветами простого красного цвета, о котором, пожалуй, больше сказать было нечего.

В это время года во Врдоле отдыхаешь душой. Особенно бодрят утра. На круглое стекло, покрывающее плетёный столик, из окна отражением ложится голубое небо, переплетённое ветвями старого соседского дуба, и этот узор намекает, что весна только начинается, а вместе с ней, в известном смысле, начинается и жизнь. Кроме того, с появлением камелии добавилась ещё одна радость. Как это бывает в юно-

сти, когда ты влюблён, сон перед пробуждением согревает смутное переживание счастья, природу которого вспоминаешь только тогда, когда сознание полностью вступает в свои права.

Наглядевшись на камелию сверху, пока пил кофе, я спустился затем по крутой лестнице, наклонился над ней и разглядывал ближе. Камелия, что называется, пошла в рост. На стволе кое-где появились клейкие листочки, напоминающие гусеницы, и они разворачивались с тем целеполаганием жизни, которое иногда способно вызвать неотчётливый страх, и вся эта картина веселила мне сердце.

Я понятия не имел, как быстро растёт камелия, и только гадал, спустя сколько лет этот маленький росток превратится в роскошный куст, щедро усыпанный цветами.

К началу апреля лепестки цветка побледнели по краям, и скоро его не стало. Но это было в порядке вещей. Немного беспокоили муравьи, жадно облепившие свежие побеги, но я убедился, что муравьи ущерба не наносят.

Перед отъездом я преподнёс своей соседке Станке коробку модных конфет и слёзно просил поливать камелию в особенно жаркие дни лета.

А оно, как и ожидалось, удалось в коронном стиле этого края: горели леса, немилосердствовало раскалённое солнце и вода чуть не закипала. Я то и дело справлялся в сети о погоде во Врдоле, молил о дожде, и мог только догадываться, исполняет ли Станка мою просьбу.

У меня же под окнами кипела безостановочная деятельность городских властей: усовершенствовали дет-

скую площадку, меняли новые бордюры на ещё более новые, косили траву ревущими газонокосилками, и четыре месяца я был в заложниках у этих неутомимых, не мечтающих об отдыхе палачей. Однако дела – подлинные или мнимые – не давали тронуться с места.

Вернулся я как обычно в начале октября.

* * *

Она подросла за лето. Я осторожно потрогал её за глянцеви́тый листок, словно пожал руку ребёнку, отгреб от ствола оранжевые пальмовые орешки.

Первые дни меня посещали сновидения, похожие на киносерии. Объединяло их пространство, освещение и совершенно непередаваемые ощущения, которых не испытываешь наяву. Можно было бы сказать, что мне снилось счастье, однако для обозначения того, что я переживал, не существует слова ни в одном языке. Каждое моё действие в этом условном мире было осмысленным и результаты его приносили удовлетворение, – так не бывает на нашей земле. Но, повторюсь: Врдола – особый уголок, так что пробуждался я без сожалений.

Несколько дней держалась солнечная погода, но внезапно бухта закрылась дождями. Над крышами поплыл горький дымок буковых поленьев.

В русской семье, постоянно живущей неподалёку, мне сказали, что зимой у их соседей, бывших в отлучке, выкопали молоденькую пальму *Iepesa hamaerops*, розы и что-то ещё. До этого мне и в голову не приходило, что можно воровать растения.

– А что здесь удивительного? Живут небогато. Каждый евро на счету.

Поначалу я не придавал особого значения этим словам. Народу тут хватает всякого, в том числе и настоящих бедняков. Мне приходилось видеть албанцев, бредущих вдоль дороги с мешками лаврового листа; слышал и том, что во дворах, оставляемых на зиму, цыгане собирают лимоны. Да я и не видел в этом ничего зазорного. Уже не помню, как там римское право толкует о плодах, но мне казалось куда более несправедливым, что они увядают на ветках, не имея возможности ни с кем разделить своё полновкусие.

Как-то утром заглянул Иво, служащий водоснабжающей компании, чтобы снять показания счётчика. Заметив камелию, он изумился:

– Зачем же такую маленькую? Долго придётся ждать. Взял бы на рынке в Которе приличный куст.

Мне было сложно объяснить не то что бы ему, но даже самому себе, чем я руководствовался в выборе. В каком-то смысле мне хотелось начать всё сызнова, и этот жалкий росток должен был отмерять вехи нового существования.

– Вся наша жизнь – одно сплошное ожидание, – неожиданно добавил Иво. – Едва родившись, мы начинаем ждать смерти. А чтобы не было так скучно, это главное ожидание заполняется более мелкими.

Я улыбнулся его словам. Я был одинок, и не по причине изгойства или особенно печальных обстоятельств, просто неисповедимыми путями одиночество пришло ко мне раньше, чем к другим. В последнее время ещё несколько троеточий обратились в точки, точно и впрямь приближалась осень, и листья отпадали сами собой. В прежние годы невольные взгляды в окна к одиноким старикам рождали

вопросы, как они там, в своих стенах, полных отживших своё вещей, пожелтевших фотографий тех, кто был им дороже всего, коротают свои дни? Но то были праздные мысли, слетавшие с сознания от лютого впечатления молодости.

Теперь я это знал, и когда мимо проплывали величавые яхты, их вид больше не звал меня в путь – всё было при мне.

* * *

В ту ли ночь после прихода Иво, или около того, мне приснился сон, совершенно отличный от предыдущих. Я стоял на террасе и смотрел под пальму. Откуда ни возьмись в тумане проступил крохотный силуэт, обернувшийся не то старушкой, не то девочкой, закутанной в платок. Я видел, как эта девочка-старушка подкралась к камелии и стала выкапывать её с помощью детской пластмассовой лопатки. Такой я сам играл в детстве и, кажется, их больше не выпускают. Я окликнул непрошеную гостью, но голос не прозвучал, я попытался двинуться к ней, однако ноги меня не послушались. Не оставляя своего занятия, она обернула ко мне лицо, озарённое виноватой улыбкой...

Утром следов умыкновения я не увидел. Камелия была на месте и своей плотной статью до того напомнила мне девочку из моего сна, что мне даже захотелось повязать ей платочек. Как бы то ни было, этот сон показал мне, что судьба камелии беспокоит меня больше, чем я сам от себя ожидал.

Вскоре, однако, мысли мои были увлечены другим. Редакция одного крупного литературного пор-

тала заказала мне статью о писателе, роман которого был выдвинут на престижную премию. Свои произведения писатель являл обществу с большими перерывами, и требовалось напомнить заинтересованной публике о его былых свершениях. Мне приходилось читать этого писателя, и я даже помнил, что ему приписывали как недостаток особенное мастерство в описании природы. В те времена я и сам разделял эту точку зрения, но теперь смотрел на дело иначе: если так уж скучна природа, то не менее скучен и человек. Она, по крайней мере, способна показать себя, выкидывая время от времени кунштюки вроде смерчей и тайфунов, человек же неспособен и на это.

Прожаживаясь по двору и обдумывая статью, я заметил, что на черешках камелии появились коробочки-бутоны, и остановился, поражённый открывшейся истиной. Итак, она будет расцветать, когда меня уже здесь не будет, будет цвести без меня, и всё, что останется на мою долю – собрать опавшие листья в марте. Ничего, я утешался тем, что видел зато её первый цветок. Правда, видел его ещё пожилой торговец из Требинье, но он уже забыл. Мало ли их проходит через его руки?

Я предполагал закончить статью здесь, во Врдоле, а потом улететь домой.

* * *

Тем не менее, мысль о том, что камелия в моё отсутствие беззащитна, всё более овладевала мной. В тревоге я размышлял, кому можно было доверить её охрану, но из соседей была одна лишь Станка, днём она уезжала на работу в Тиват, а ночью не в сезон тут

можно было делать всё что заблагорассудится, сиди дома хоть десять Станок.

В эту ночь я спал плохо, перебирая различные планы по спасению камелии от воображаемых похитителей, и додумался даже до того, чтобы заключить своё сокровище в клетку, сваренную из железных прутьев.

Но с приходом утра глупости отступили и меня озарила простая мысль – почему бы не остаться самому? В самом-то деле, что такое уж важное ждёт меня дома? Положа руку на сердце, одни иллюзии, да и тех уже нет. Возбуждённая толчея аэропорта, ложное ощущение причастности к ней, лихорадочное движение больших магистралей, несколько совсем необязательных телефонных звонков, – какая-нибудь неделя, и всё это пройдёт, и опять охватит одиночество, так не лучше ли, подумал я, не поддаваться химерам, и переживать его здесь, в унылой темени приморского местечка?

Оставалась проблема с разрешением на пребывание. Можно было поехать за визой в Подгорицу, на что, включая формальности, ушло бы дня два, а то и больше, но можно было просто выехать из страны и тут же въехать с отметкой в паспорте, получив тем самым право на месячное проживание. Ближайшая боснийская граница находилась в полутора часах езды, и я выбрал Требинье, где уже побывал в марте и где купил камелию.

Дорога туда идёт через перевал Грахово, а потом, уже за пограничными постами, за небольшим посёлком с приземистой мечетью, вдоль быстрой горной речки в узком каньоне, и дальше жилья нет до самой

городской окраины. По пути я раздумывал, что и как написать о писателе, о котором мне предстояло написать, но заел стеклоподъёмник, встречный ветер хлестал меня по шее, так что ничего особенного в голову так и не пришло.

Было зябко, и я решил согреться рыбной чорбой в ресторане при гостинице, в которой останавливался весной. Официант был тот же, и он тоже меня узнал.

Накрапывал мелкий дождь, площадь была пустынная. Тусклым светом блестели её отполированные плиты. Леопардовые стволы платанов потемнели от влаги. Несмотря на непогоду и своё состояние, я уселся на воздухе под тентом и, в ожидании заказа пытался сообразить, изменилось ли здесь что-то с моего прошлого приезда. Кухня была расторопна, и, так и не успев ничего решить, я принялся согреваться острой похлёбкой. Официант исчез в помещении, но спустя минуту появился вновь спросить, всё ли в порядке. Я сделал комплимент повару, но он не уходил и выжидательно наблюдал, как я поглощаю суп. Мне сделалось неловко, я не понимал, чем вызвана подобная странность и что я должен сделать, но тут он заговорил.

– Тот человек, – сказал он, – у которого вы весной купили камелию...

Я посмотрел на него удивлённо. Он и это запомнил. С толикой снисходительности он усмехнулся моему недоумению.

– Дарко его зовут. У него во время войны... ну, той... вы знаете, дочку маленькую на глазах убило. Так вот он... Как бы это сказать. Камелии он разводит. Говорит, что однажды одна из его камелий пре-

вратится в девочку, и она к нему вернётся... Если попадёт в хорошие руки.

Перестав жевать, я уставился на него.

– Должно быть, немного тронулся, – официант повёл головой и проводил глазами идущую наискосок через площадь девушку под цветным зонтом. – Но и людей наших надо знать – цветы берут, садовод он отличный, в цветах знает толк, а камелию так ни одну и не купили... За столько-то лет... Только вы. – Он помялся, опять посмотрел вслед девушке и издал неопределённый смешок. – Так вот я хотел спросить, ничего такого у вас не случилось?

Я молча продолжал смотреть на него. Кажется, на каких-то из этих слов мне всё-таки удалось проглотить то, что было во рту.

– Вы русский? – спросил тогда он, чтобы пресечь это нелепое молчание. – Из Москвы?

Тут я наконец оправился и кивнул.

– Русские у нас бывают. Холодно сейчас в Москве, – заметил он. – Снега, наверное, по колено.

– Холодно, – подтвердил я.

– Ну, вот, – с каким-то облегчением подытожил он. – А у нас дождь.

Я оставил ему на чай местную марку – монеты тут красивые, но лёгкие, больше похожие на жетоны.

После того, что я узнал, мне расхотелось возвращаться через Герцог-Нови и я поехал тем же путём вдоль реки, словно меня кто гнал. Я смог представить этого Дарко: вспомнилось что-то просительное, будто искательное в его огромных мутных голубых глазах. Тогда я принял это за чрезмерную услужливость торговца, но это был гордый и верующий че-

ловека, и причина, как только что выяснилось, была совсем в другом.

После тоннеля, когда дорога выходит на внешнюю сторону Соколовой гряды, я свернул на обочину, вышел из машины и долго смотрел на залив с поднебесной высоты. Чёрный Ловчен до половины был зачёркнут тёмно-лиловым облаком, небо лежало низко над водой, и два островка напротив Пераста казались забытыми на льду игрушками. Один был занят монастырём, а на другом была церковь. В этой церкви когда-то давно я видел лик Богородицы, который жена моряка в ожидании его сплела из собственных волос. Не знаю, дождалась ли она своего мужа. И я подумал, зачем так много ненужного горя среди такой красоты.

* * *

Съехав с парома, я почувствовал желание повернуть направо, припарковаться в Тивате и напиться неважно подо что на весёлой набережной. Но всё же я взял лево руля и идеально, как на соревнованиях, провёл автомобиль всеми заковырыстыми поворотами и въехал в свой двор, точно асфальтоукладчик. Поставив машину, я отправился отпирать дом, избегая смотреть туда, где должна была быть камелия. Потом приготовил кофе, захватил из кухни пластиковый стул, поставил его у камелии и, потягивая из чашки, стал смотреть на неё, словно она действительно была не растением, а человеческим существом, о котором я только что узнал нечто секретное. Таким манером родители часто смотрят на детей перед вопросом: «Ты ничего не хочешь мне рассказать?»

Но камелия вела себя как ни в чём не бывало и не спешила сдавать коды своей энигмы. Несколько её бутонов уже лопнули и приоткрыли розовую мякоть. По одному из черешков полз одинокий муравей, и глядя на его потуги, я почему-то подумал о своём писателе.

Дом не был приспособлен к зиме, если не считать железной печки популярного хорватского производства на первом этаже. Я принялся заготовливать дрова. Ходил вдоль берега и высматривал топляк, сносил добычу к себе и там расчленил электрической пилой. Как-то попалась даже задняя доска от старой шлюпки, с которой ещё не успела сойти краска, а один раз, возвращаясь из супермаркета «Voli», прихватил с обочины прекрасный обломок соснового ствола, исходивший смолой.

В конце концов Миша – прораб с одной из русскихстроек, привёз мне несколько мешков обрезки, так что я был всерьёз готов заняться писателем.

* * *

То, что здесь в это время происходит с природой, зимой по нашим меркам назвать сложно. Температура редко падает ниже нуля, а множество вечнозелёных растений создают впечатление просто пасмурной весенней погоды, и всё же увядание чувствуется: как могильные венки вянут серые дни, с инжирных деревьев падают похожие на кленовые мокрые жёлтые листья, дождевыми потоками льётся грусть, и только редкие фонари обозначают границу воды и суши.

И лишь камелии, как суда, идущие против течения, начинают свою пёструю жизнь.

Моя раскрылась сразу пятью цветками. Любуясь ей, я подумал, что не спросил у официанта, как было имя той девочки, но скоро решил, что так оно даже и лучше.

Некоторые живут кошками, иные заводят собак, у меня вот была камелия. Отлучаясь, я жалел, что нельзя было брать камелию с собой, но в целом оставался спокоен: случаев, когда воруют при живущих хозяевах, как будто ещё не бывало.

Как-то ночью я ощутил, что не один в комнате. Несколько мгновений я прислушивался к малейшему звуку, потом потянулся к выключателю, но прежде, чем я до него дотронулся, свет зажёгся самостоятельно. Никого, конечно, не было, и не сразу я заметил, что на плетёном столике в баночке из-под айвара стоит цветок камелии. Айвар здесь готовят на любой вкус, и расфасовывают тоже разнообразно. Эта баночка была пузатая, похожая на вазочку. Я даже вспомнил, как на днях вымыл её и оставил около раковины отверстием вниз.

Ночь была по-летнему густа, а уличное освещение давно уже не работало. Я взял фонарь, пошёл к камелии и пересчитал цветки. Одного не хватало. Несомненно, в баночке из-под айвара красовался цветок с моей камелии.

Я ломал голову, как объяснить это происшествие, и пришёл к выводу, что сам сорвал цветок и поставил его у себя в изголовье. А что оставалось думать?

Ещё через пару дней опять случилось нечто труднообъяснимое. Уже за полночь кто-то, стоя на дороге, выкрикивал женское имя. «Весна! Весна!» – доносилось снизу, и я только гадал, кого это зовут. Ни-

какой Весны в нашем закутке отродясь не было. Удивительно было и то, что соседская овчарка Блонди, имеющая обыкновение свирепо облаивать всех малознакомых, за исключением разве Иво, сейчас не издавала ни звука, словно оглохла и потеряла обоняние. Я было хотел пойти посмотреть, кто это кричит, но тут всё смолкло и крики больше не повторялись. Возможно, подумал я, у Станки гостила какая-нибудь подруга, и это зывали к ней.

* * *

Со статьёй я управился быстрее, чем ожидал, и коротал дни, чем придётся. Когда выпадал погожий денёк и пригревало, я забирался на гору, созерцал залив, спиной ощущая движение солнца, а нет, так шатался по узкой прибрежной дороге. Иногда ложился на парапет из тёсаных камней, который полизывал прилив и, заложив нога за ногу, наблюдал за бессмысленными перемещениями облаков. Хаотичность этих движений окончательно сбивала меня с толку, но одновременно и укрепляла в мысли, что главное, самое важное дело на земле – быть рядом с камелией. Во всяком случае, для меня это было так.

Вернувшись однажды с прогулки, я обнаружил, что земля возле камелии взрыта. Издалека казалось, что кто-то пытался её выкопать, но приблизившись, я выяснил, что её просто окопали. Но кому понадобилось окапывать чужое растение? И снова мне пришлось успокоиться на мысли, что и это – моих рук дело. Вот только что творилось с моей памятью, хотел бы я знать? Во всём остальном она служила мне по-прежнему.

Но тогда я почему-то не сопоставил это происшествие со своим сном. Просто подолгу смотрел на маленькую камелию, как бы спрашивая, кто же ты такая на самом деле?

В любой день я мог собраться, сесть в самолёт и улететь домой, но моя вахта у камелии уже значила для меня больше. Надо было дотянуть до весны, когда съедутся отдыхающие, когда пустующие вокруг дома наполнятся людьми, когда заработает расположенный за моим домом лагерь «Ниш», выросший когда-то из партизанской стоянки. Тогда начнётся настоящая курортная жизнь, и шумное общество сербских ребят и их незамысловатые интересы послужат верной порукой тому, что на камелию никто не покусится.

* * *

Между тем, срок легального пребывания опять истекал, и требовалось что-то решать. К этому моменту во мне произошли какие-то перемены, которые я не мог не чувствовать, но ещё не умел их назвать.

На этот раз я не поехал ни в Требинье, ни в Подгорицу. Боялся и того и другого, но по разным причинам. Просто я решил жить, не прибегая больше к формальностям – только и всего.

И когда это ясное решение овладело мной, я испытал такое облегчение, словно только родился на свет. Я был человек на земле и не делал никому ничего дурного. Да, существуют границы и правила, но что важнее: последовать этим правилам и дать украсть мою камелию, или остаться с ней и вырастить её, как задумал её отец? Ответ тут был очевиден.

Печку уже приходилось топить дважды в сутки, и, глядя, как за помутневшим стеклом меланхолично пляшет огонь, я думал, как мало надо человеку для блаженного покоя, но отчего-то большая часть из нас желает надбавки. И ещё я думал, почему мы являемся в мир, исполненные надежд, а покидаем его чуть ли не с облегчением. Летом в своей квартире я наткнулся на забытую юношескую фотографию и ужаснулся тому, что с нами делает время. Я подумал о своей статье, где нагородил кучу мудрёных слов, о писателе, и мне стало жаль и себя, и писателя, ибо я уже не мог постичь, для чего вообще надо что-то писать, когда мир устроен так просто, – хлеб, вода, очаг, – и во имя чего люди кладут на это свои жизни.

Не считая коренных жителей, на зиму во Врдоле оставались всего несколько пришлых, и все они были наперечёт: пожилой тучный итальянец Роберто, композитор, и та русская семья, о которой я уже говорил. С Роберто мы просто здоровались, перекидываясь парой слов несуществующего языка, который сами творили на ходу, а с русской семьёй я водил довольно близкое знакомство. В семье было двое детей – мальчик Коля и девочка тремя годами его старше. Оба ходили в местную школу.

Девочку звали Надя. Их класс уже проходил сербский эпос, и Надя со смехом рассказывала мне, что знаменитый герой Марко Кральевич был к тому же отпетым пьяницей и иногда, за неимением компании, принуждал пить с собой своего коня Шарца.

– Кони не пьют вино, – презрительно возражал её брат и, обращая ко мне лукавое личико, прибавлял: – Это знают даже дети.

Я предпочитал не вступать в этот извечный спор льда и пламени и отвечал уклончиво.

Я водил их смотреть камелию, но они не нашли в ней ничего необычного. Тогда я сказал им, что на самом деле это вовсе не камелия, а самая настоящая девочка, которая только пока является камелией. Понятно, для чего я это сказал, но они посмотрели на меня уничижительно. Гораздо больше их занимала собака Станки, снующая вдоль сетчатого забора. Коля предложил:

– А давайте подойдём к ней и скажем: «Блонди, привет!»

И мы в самом деле пережили это бесхитрое приключение.

* * *

Их мама была дочерью крупного московского чиновника, а отец постоянно возился с лодкой, и ему удалось подбить меня подняться к заброшенной церкви Иоанна Предтечи, которая мозолила глаза на противоположном склоне.

Дождавшись ясного дня, мы подъехали к подножию на машине, прижали её к почти отвесному склону и стали карабкаться вверх, взбираясь на огромные каменные глыбы. Это напомнило мне того муравья, который блуждал по камелии и которого я невольно сравнил с писателем. Всё же нам посчастливилось наткнуться на пастушью тропу, набитую столетиями. Чем выше, тем чаще она вела вдоль травянистых площадок, когда-то давно отвоёванных у вертикали. Наконец тропа нырнула в рощу сказочных дубов, и через некоторое время в подлеске мелькнула серая

стена церкви. Судя по надписи на фронтоне, годом её постройки считался 1845 – A.D. MDCCCXLV. Балки сгнили, черепичная крыша частично обрушилась и в этом месте под открытым небом уже рос кустарник. На алтаре лежал слой известковой крошки. «Быстро, однако, пошло время», – подумалось мне.

Отсюда открывался непередаваемый вид на все стороны бухты, и за понижающимися холмами видна была даже полоса открытой Адриатики.

– Здесь можно прожить всю жизнь, и никто не узнает, – вполне серьёзно сказал мой спутник. – Сидеть и плевать на всю эту дрянь вниз.

Только он один и знал, что я живу нелегально, а значит, знала и его жена, но я был уверен, что здесь тайна и замыкается. Она считала это неумным сумасбродством, он смотрел шире. Это мне в нём и нравилось.

Покидать вершину действительно не хотелось, но поднявшийся ветер погнал нас вниз. Полуразрушенными террасами, зигзагами выложенными по склону, мы спустились в Пераст, выпили там по чашке чуть тёплого кофе и долго брели, шатаясь от усталости, к оставленной у склона машине.

Этой ночью мне приснился ещё один сон, тоже оставшийся в памяти: не камелия, не девочка с пластмассовой лопаткой, но некто грозный, о ком можно не более чем помыслить, спросил меня словно бы громовым раскатом: кто ты, несчастный? – и голубые глаза Дарко на мгновение ослепили мою душу. А я, немея от ужаса, не знал, что сказать, но именно это, как показало дальше сновидение, и оказалось самым правильным ответом...

* * *

Я давно уже перестал бриться и не был у парикмахера. В город я больше не ездил. Поначалу отрастающая щетина придавала мне брутальный вид, столь востребованный рекламой, но постепенно неухоженная бородка вкупе с отросшими волосами сделали меня похожим на дьячка, и меня это почему-то не волновало.

Когда нет желаний, то и жизнь проста. Иногда я садился подле камелии и рассказывал ей свою жизнь, доводя повествование до этой самой минуты, в которую мы оказались вместе. Один учёный прошлого, гордость русского языковедения, в своей автобиографии написал что-то вроде следующего: мне кажется, что я вижу помочи, на которых вела меня судьба. Это было похоже на мой случай, и всё же это было не совсем то.

Знакомые, а у меня их здесь скопилось не мало, да и просто те, кто знал меня в лицо, только гадали, что надо мною стряслось. Конечно, не было ничего необычного в том, что я вдруг решил остаться на зиму, обычно покидая эти места в последних числах октября, но людей не проведёшь.

– В России плохо? – с сочувствием спросил меня Роберто, повстречавшись со мной на берегу.

– Кому как, – ответил я и дал ему понять, что я не жертва политического режима.

Был у меня ещё один приятель, – я звал его «парень с горы», хотя имя его было Бане. Он был вдовцом и владел сельскохозяйственной усадьбой, раскинувшейся на правой стороне распадка метрах в пятидесяти над морем. Когда ему надоело сидеть

на горе, он вооружался странным орудием – палкой с каким-то острым крюком на конце, – и во главе своих рыжих коз спускался в цивилизацию. Пока козы паслись на незастроенном поле подле отеля «Врмац», он сидел на порожнем ящике у торговой палатки и, положив свою палку на колени, глазами невыспавшегося филина взирал на проезжавшие мимо дорожные автомобили, на стайки возбуждённых туристов, и на его одутловатом лице читалось недоумение, откуда и зачем взялось всё это на его земле. Кажется, он был единственный, кому пришлось по душе моё опрощение. Он предлагал мне завести коз, хоть какую-то живность, угощал под бутылочку козьим сыром и маслинами из собственной рощи, и мы вели неспешные разговоры, смысл которых передать я не в состоянии. Когда он раскрывал рот, что-либо изрекая, казалось, что это тяжёлая дверь хозяйственной постройки ворочается на заржавевших петлях.

* * *

Неизвестно, сколько бы времени всё это продолжалось, если б не то происшествие, о котором я должен рассказать.

Здесь существует обычай, возведённый в ранг государственного закона, что неимущие имеют право получить хлеб и воду всюду, где ни потребуют. Разумеется, это касалось торговых заведений. С хлебом здесь вообще не церемонятся, едят только свежий, а вчерашний складывают в пакеты и вывешивают на молах для рыбаков.

И вот общественное мнение пришло к выводу, что я поиздержался, и мой не слишком опрятный вид

только укреплял добрых людей в их предположении. В сущности, дело к этому и шло. Теперь, случись проходить мне мимо какого-нибудь магазинчика, его владелец или владелица считали своим долгом сунуть мне хлебный батон. Откровенно говоря, кое-какие средства у меня ещё были, а, получив гонорар за статью, я загодя сделал в доме довольно значительный запас консервов, но хлеб брал охотно и делал из него сухари: ведь я понятия не имел, сколько растут камелии и сколько времени предстоит мне ещё тут провести.

Конечно, я знал, на что шёл, когда в положенный срок не выехал из страны. Я отдавал себе отчёт, что рано или поздно проблемы возникнут, но какое-то властное ощущение, похожее на интуицию, подсказывало, что всё обойдётся, так что я во всём полагался на случай. Как-никак, я был владельцем дома, а это, дойди до разбирательства, могло послужить преимуществом.

На моём обычном пути располагалось несколько «торговин» и «пекар», ассортимент которых вообще не различался. Ещё дальше в сторону Котора имелся сетевой магазинчик «Арома», выбор там был повзыскательней. Дотуда я добредал редко, но однажды-таки зашёл.

* * *

Кафе на этом отрезке были давно на приколе, и жизнь теплилась только в «Срече». Там издавна заправляла Иванка, о которой я скажу подробнее как-нибудь в другой раз. Зелёные ставни на втором этаже были открыты, и кто-то играл на трубе. В пасмурном воздухе вязь мелодии казалась гимном пустоте.

Внизу у Иванки работал плазменный телевизор. Транслировали баскетбольный матч. Сама она, заложив ногу за ногу в розовых уггах, сидела спиной к экрану на барном стуле, курила и бессмысленно смотрела в нагромождение голых серых скал над Ораховцем. В этом месте залив расширялся и округлялся, но сейчас на нём не было ни одного судёнышка, – только вода стелилась стальным листом.

– Работаешь? – спросил я через поднятое окно-витрину, чтобы что-нибудь сказать.

Она утвердительно покачала головой. Её чёрные волосы поверх выпуклого лба схватывала заколка в виде слова «love» со стразами.

– Да что эта за работа, – фыркнула она, заметив, что я остановился. – Что ни заработаешь, всё прокуришь. – И она показала мне недокуренную сигарету. – Мало того, что опять подорожали, так ещё сразу на сорок центов.

Звуки трубы то набегали друг на друга, то вытягивались в струну. Я задрал голову и глянул наверх.

– Брат репетирует, – пояснила она. – У них завтра концерт в Которе в «Доме музыки». – Она поднялась, взяла ручку от маркизы и злорадно постучала в потолок, потом вернулась на место. – Работаешь, – повторила она с той же презрительной интонацией. – Уеду я, вот что. В Белград поеду.

Сверху раздался ответный стук.

– Поеду в Белград, – повторила она решительно и долго тушила окурков такими энергичными движениями, как будто прочищала засор.

– Тоже дело, – согласился я, она кивнула и, больше на меня не глядя, закурила по новой. Взор её толч-

ками блуждал по морщинистым утёсам, словно ища ту трещину, за которой скрывается выход. Про Белград она говорила всегда, но так никуда и не уезжала.

Под томительные хрипловатые уколы трубы я продолжил своё шествие. Меня медленно обогнала машина с голландскими номерами. Её пассажиры смотрели вокруг зачарованными глазами, точно угодили в сказку.

Повсюду мне попадались камелии, обильно усыпаные не источающими запаха цветами, и я со вздохом припоминал пророчество Иво.

* * *

«Агота» располагалась прямо напротив старинного дома, в котором иногда проводил летние месяцы правитель Черногории Петр II Негош, известный своим действительно выдающимся поэтическим творчеством.

В тот день работала новая продавщица, молоденькая девушка, с гвоздиком в мочке левого уха и подстриженная под машинку. Форма головы была у неё идеальной, и такая импозантная причёска ей шла. Раньше я никогда её здесь не видел – наверное, приехала откуда-то с севера. На форменной куртке болталась табличка, где было написано её имя. Если бы у меня была дочка, я назвал бы её только так, и даже если бы она оказалась некрасива, само это волшебное сочетание звуков побудило бы счастье не оставлять её до последнего вздоха.

И тут меня словно током ударило: она была точь-в-точь как девочка из моего сна, только, конечно, уже повзрослевшая. Каждое её движение было исполне-

но грацией молодого животного, но как я мог вожделеть к ней? Перед глазами встал красный цветок у изголовья, и я подумал не без испуга, значило ли это, что она отдала мне своё девство? Это её имя звучало в ночи, но кто звал её? Неужели это был Дарко? Приложив известные усилия, найти мой дом и меня самого было, в принципе, возможно, однако даже в эту минуту такой оборот представлялся мне фантастическим. И нашло новое озарение: так вот почему во сне она была укутана в платок – хотела скрыть свою стрижку. Она и не думала выкапывать камелию, она её окапывала, окапывала саму себя! Словом, все мои недоумения разрешились одним махом.

Собрав в кулак свою бородёнку, я стал разглядывать её, как обычно разглядывал камелию. Она поглядывала на меня испуганно своими дрожащими тёмными глазами. Беззастенчивость моя была за гранью приличий, но я-то знал, что делаю.

– Езжай в Требинье, – сказал наконец я, – к своему отцу. Твой отец ждёт тебя.

Опустив голову, она с улыбкой перебирала монеты в открытой кассе. Просто смутилась и не понимала, что нужно иностранцу. Её напарница, моя знакомая, почуяв что-то необычное, выбрала хлеб подешевле и поднесла его мне, но я столь решительно отвел её руку, что она его выронила. Втроём мы смотрели на лежащий на полу хлеб, наполовину выскочивший из бумажного пакета, и я понимал, что случилось нечто ужасное.

– В Требинье, – гневно повторил я. – Езжай к отцу!

Откуда ни возьмись собрался народ. Из-за стеллажа Роберто высунул своё красное от любопытства

лицо, а из соседней пекары явилась хозяйка в сопровождении мужа и двух дюжих сыновей. Меня они знали и не трогали, а только расспрашивали девушек, удивлённо поглядывая в мою сторону.

К тому моменту мы все уже выбрались на улицу из тесного магазинного помещения. Официантки из кафе напротив уже смотрели на нас, пытаясь понять, что такое творится.

Всё это происходило у самого подножия Богородичного храма, возведённого моряками Прчани ещё в 18 столетии. Он всегда стоит закрытый и служба бывает только в весенний Юрьев день, но к майским праздникам я уже возвращался домой, так что мне так и не удалось побывать внутри. Чтобы добраться до входа, необходимо преодолеть несколько лестничных маршей, которые после первого пролёта изящным обводом разбегались по обе стороны конструкции. Там, где лестница раздваивалась, у стены, скорбно склонив голову, стоял каменный Иисус. В руках у него было нечто вроде свитка, на котором латынью было написано: *Venite ad me, omnes...* – ну, это известное изречение из Матфея: придите ко мне, все страждущие и обременённые, и Я успокою вас.

И я подумал, что он и вправду сын Бога, если обладает таким нечеловеческим терпением тысячами ждать, что кто-то постучится в его двери. Я вырвался из кольца окруживших меня людей, взбежал по ступеням и встал рядом с ним, – так в древности искали защиты у алтарей. «Скажи ей», – шепнул я ему. Капли мелкого дождя осыпали наши фигуры.

Этот поступок тоже отчасти определил дальнейшее.

* * *

Принято думать, что народ здесь горячий, но это не совсем верно. Хотя, бывает, и звучат по ночам автоматные выстрелы, вреда они никому не приносят, только баламутят чаек. Убивают здесь редко и совсем иным способом. Так вот. Прежде всего, он рассудительный. Вот он и рассудил, и рассудил по-своему здраво.

В общем, я оказался на том берегу, в Доброте, в одном учреждении, существующем чуть ли не со времён австрийского владычества, созданном как раз для того, чтобы рассеивать разнообразные заблуждения ума и сердца.

Там меня помыли и помогли убрать всклокоченную бороду. Кроме меня в палате лечился мужчина, которого звали Драган. Драган допился до чертей. Точнее сказать, никаких чертей он не видел, просто забыл, кто он такой. Говорят, что зимой здесь такое случается. В ненастье со всех сторон закрытая котловина бухты превращается в западню, похожую на чистилище, и часто тем, кто внутри, исход представляется сомнительным.

Мной занималась доктор, имя которой тоже было Весна, а вот фамилию она носила несколько необычную – Подконьяк. Но когда-то эти места считались венецианской провинцией, бывали тут и испанцы, и от того времени осталось много романских фамилий. Например, фамилия Станки была Лаури.

Мы беседовали в светлом кабинете, и в приоткрытое фигурное окно туда долетали звонкие голоса играющих в футбол мальчишек. Руку Весны украшал удивительной глубины аквамарин в серебряной оправе, и во время этих бесед я часто задерживал на

нём взгляд. Я ничего не утаивал, потому что таить было нечего. Я рассказывал, что остался из опасений, что зимой, в моё отсутствие, кто-то может выкопать мою камелию. Ей надо дать вырасти, говорил я, так как более или менее взрослый куст выкапывать уже никто не станет. Также рассказал о том, что узнал от официанта из трезинских «Платанов». Кроме того, просил поскорее меня выпустить, потому что, подчёркивал я, мой двор открыт со всех сторон, и камелия под угрозой, и даже просил её съездить во Врдо-лу и самой убедиться в справедливости моих слов.

Почему-то она благоволила мне, чем-то я вызвал её симпатию и она не видела во мне мошенника и проныру.

Ещё я спрашивал её, почему мы допускаем и легко принимаем, когда люди ради любимых переселяются в далёкие края, другие оставляют отчий дом во имя идеи, которую, быть может, мы и не разделяем, но их поступки не кажутся нам бог весть чем, а моё поведение, восходящее к столь ясным и простым началам, непременно надо считать отклонением от нормы?

Да, и ещё я обмолвился, что очень хотел бы сообщить чему-либо долгую жизнь.

В конце концов, по её глазам и поведению я догадался, что она далеко не уверена, действительно ли я болен. Как-то она сказала мне прямо:

– Если я не поставлю вам диагноз, то дело может так обернуться, что вам никогда больше не разрешат сюда приехать. – И помолчав, добавила: – Не знаю, хотите ли вы этого, или нет.

Сигарета, которую она держала той рукой, где красовался пленивший меня аквамарин, повисла в

воздухе над пепельницей «Lavazza». Курят тут везде, по-моему, даже в детских кафе.

В итоге я признал себя умалишённым.

Между людьми принято благодарить друг друга за оказанные благодеяния, и как правило благодарность носит материальную форму. Но выходит и так, когда любая благодарность была бы до того неуместной, что могла сойти за оскорбление. Это был как раз такой случай. Я никогда больше не видел Весны, но постоянно её вспоминаю, и, возможно, она вспоминает обо мне. И, быть может, это совсем неплохо, когда вы живёте в чьих-то мыслях.

Потом последовало не слишком долгое разбирательство с миграционной полицией. Благодаря великодушной мудрости Весны оно закончилось в мою пользу. Грубое нарушение миграционного законодательства искупалось моим внезапным заболеванием, но в то же время врачебное заключение не признавало его настолько безнадежным, чтобы лишить меня дееспособности.

К моему возвращению из Доброты камелия отцвела, и я застал уже только её сморщенные цветы. Собрал несколько коричневых лепестков, подержал на ладони и сильным дуновением развеял их по ветру. Иные краски явили себя из небытия и, головокружительно чередуясь, воздух пронизывали распускающиеся ароматы. Что ж, мы передали эстафету жизни, и я в самом деле испытывал огромное облегчение.

* * *

Может показаться, что мне предстояли мучительные размышления о том, что же со мной случилось, но я не считал, что случилось что-то особенное.

Поэтому я опять поехал в Требиње. На этот раз ничто меня не пугало, а наоборот, манило.

Там было всё, как обычно, платаны осеняли площадь, только вместо моего официанта обслуживала девушка. Я не знал, как его звали, но по моим описаниям она, конечно, сразу поняла, о ком речь.

– А, это Златко. Сегодня не его смена, – сказала она, – и найти его не получится. Вроде он собирался к родне в Неум. Но завтра будет.

Пришлось остаться. Моника по-прежнему висела на своём почётном месте за спиной у портье. Я взял тот же номер, что и прошлой весной, и отправился шляться по городу. Весь центр можно было обойти минут за двадцать, что я и проделал уже во второй раз за последний год. Следы войны были тщательно залатаны, точно её и не было, но сразу за платановой площадью я опять набрёл на сквер с несколькими стелами, испещрёнными именами погибших в боях. Попадались тут и русские фамилии. Смотреть на это было больно.

Музей Герцеговины был уже закрыт, поэтому я устроился в кафе над рекой и бездумно смотрел, как рыбак на резиновой лодке, привязанной к опоре арочного моста, делает своё дело в расплавленном золоте солнца...

Утром гул рынка разбудил меня, как деликатный будильник. Я оделся и спустился в кафе. Златко в ослепительно белой рубашке и тёмных брюках был на месте и исполнял свои обязанности.

– Нравится вам у нас, – приветствовал он меня как старого знакомого.

– Не без этого, – подтвердил я, усаживаясь лицом к площади. Занималось прелестное утро, солнце

играло в листве платанов и разбрасывало тут и там свои подвижные узоры.

Разговаривая со Златко, я то и дело поглядывал в толпу, надеясь высмотреть Дарко.

– Как там ваша камелия? – поинтересовался Златко.

– Растёт, – коротко, но любезно ответил я, и опять устремил взгляд на площадь.

– Кстати, Дарко умер, – бросил Златко и поглядел на меня исподлобья.

– Умер? – Невольно я поднялся на ноги.

– Да, умер. Прямо вот здесь. – И Златко показал рукой на то место площади, где это произошло. – Стоял, как всегда, торговал и вдруг упал. Около девяти утра это случилось. Медики быстро приехали, но уже ничего нельзя было сделать. Сказали, сердце остановилось.

Но и это было ещё не всё.

– Он в тот день очень радостный был, прямо сиял. Присел вон там за столик, выпил ракии, кофе пил. Рассказывал, что ночью приходила его дочь. Выросла, говорил, такая красавица! Сказала, что ещё придёт...

Я сглотнул ком в горле и отхлебнул воды из стакана. Обычно задавал вопросы он, теперь, видно, настала моя очередь.

– А больше он ничего не сказал? – спросил я внезапно изменившим мне голосом.

Златко почесал нос и опять посмотрел этим своим взглядом исподлобья.

– Сказал: значит, за тобой хорошо ухаживали, дочка. Вот так он ещё сказал.

Я покивал. Не знаю, у него был такой вид, словно мы поняли друг друга.

Передо мной раскинулся шумный, пёстрый базар: люди переговаривались и смеялись. Под сенью старых платанов сновала беспечная молодёжь, пробираясь между преждевременными для себя заботами.

Сложно в это поверить, но в этот день я больше не произнёс ни единого слова. Только перед сном...

Надо ли говорить, что вся эта история мгновенно сделалась известной не только каждому жителю Врдо-лы, но и более дальних мест, и вовсе не потому, что кто-то слышал о Дарко. Я имею в виду свою собственную историю. Историю с камелией. Поражаться тут было нечему: если уж целый мир стал напоминать одну большую деревню, то что сказать о нашем околотке?

И это до известной степени служило гарантией безопасности моей подопечной. «Как знать, – думал я, – ласково её оглядывая, – может так случиться, что твой век будет дольше моего».

Вскоре прошёл слух, что моя камелия умеет говорить. Посторонние люди не ленились подняться десяток метров по крутому проулку, чтобы взглянуть на неё. Благоговейно замерев, люди молча смотрели, и она тоже молчала, но удалялись они всё-таки убеждённые, что прикоснулись к чуду...

И конечно же я всё-таки полетел домой. Состояние у меня было такое, будто, достигнув перевала и постояв на нём, я не торопясь спускаюсь в долину, о которой в общем вроде бы было известно всё, но при этом ничто в отдельности.

В салоне самолёта в одном ряду со мной оказалась молодая женщина с книгой того самого писателя, с которым я «покончил» в октябре. Как я и предвидел, премия писателю не досталась, но позже мне переда-

ли, что статья моя ему понравилась. Вероятно, стоит сказать несколько слов и о ней. Мысль моя сводилась к тому, что если хоть один читатель проник в твой замысел, значит, работа тебе удалась, пусть даже тысячи других твердят обратное.

Когда накануне моего отъезда мы сидели с «парнем с горы» на пустых зелёных ящиках из-под пива и пилились на снующие по воде прогулочные кораблики, он проскрипел:

– Знаешь, о камелии. Мой дед рассказывал, что давным-давно, когда сюда приходили чёрные турки, тоже была говорящая камелия. Люди...

– Про людей я знаю, – отмахнулся я.

– Откуда тебе знать? – возмущённо воскликнул он и даже взметнул в воздух свой страшный посох. – Тебя тогда и на свете не было!

– Помянем лучше твоего деда. – И я миролюбиво опустил его массивную руку.

– Прах к праху, – охотно отозвался он своим грубым голосом и полез в стоявшую перед нами холщовую сумку. – Но ты всё-таки дослушай.

ВИЛЛА «МАРИЯ»

Вилла «Мария» – вероятно, самое красивое и представительное сооружение во Врдоле. Дома здесь на любой вкус – есть старые югославские дачи, есть старинные «капитанские» дома из тесаного камня с маленькими окошками под бурой черепицей, а выше карабкаются по склону апартаменты из стали, стекла и бетона.

Многое из того, что сейчас строят, дорого, однако безвкусно, но вилла, что называется, удалась. Мне приходилось видеть её с воды. Строгий псевдоампирный фасад был украшен датой постройки, исполненной на известняковом фронте римскими цифрами. Два ряда продолговатых окон застыли, словно гвардейские роты на плац-параде. Выглядело это немного старомодно, и если бы не материалы, пущенные на отделку, то при беглом взгляде можно было бы принять её за миниатюрный дворец какого-нибудь принца Данилы.

Возводили её приблизительно года два, и частично на моих глазах. На специальном информационном щите значилось имя заказчика: «Sosnov Maxim Igorovich», но мне оно ничего не говорило.

Прежде на том месте, где выросла вилла «Мария», под сенью старых косматых пальм дремал рыбацкий сарай, в «понте» болтались две-три обшарпанные лодки, и с моей террасы между домами соседей был виден треугольник морской воды.

Гордо устроившись на безымянном мысу, здание словно парило над водой. Оно ласкало взгляд строгими пропорциями. С какой стороны ни глянь, строение это оказалось очень уместно, вот только слово «жилище» приложить к нему никак не удавалось. Несколько лет оно так и стояло пустым, в ожидании хозяев, отгородившись от залива своими надменно закрытыми окнами.

Но как-то раз в них мелькнул свет. Дело было в марте, было довольно тепло, но ясные дни чередовались с пасмурными, и дождь лениво кропил в ожидании норд-оста.

В тот год страшное бедствие постигло всю Далмацию. На пальмы напал вредитель под названием красный долгоносик, или, как его величали на местном языке, «неприятель» пальм. За какие-то несколько месяцев «неприятель» оккупировал огромное количество пальм, и пятидесятилетние деревья, отрада и украшение берега, погибали сотнями под слёзы стариков, исчезая с лица земли в равнодушном завывании бензиновых пил. Такое несчастье приписывали невиданно холодной зиме, в любом случае оно его усугубилось, и даже знатоки затруднялись определить относительно той или иной пальмы, то ли она замёрзла, то ли стала добычей «неприятеля».

Жучок откладывал личинки глубоко в стволе, и они незаметно начинали свою разрушительную жизнедеятельность. В один прекрасный день крона обрушивалась, и сломанные ветки бессильно свисали вдоль ствола.

У меня во дворе росла пальма, и раза два, чтобы её подстричь, я нанимал старейшего пальмореза на нашем берегу. Его звали Зоран, был он сутул, горбонос, смуглолиц, чёрен и искусен. Присмотревшись к его работе, в дальнейшем я обходился своими силами – лестница у меня была, а высоты я не боялся.

Как раз в тот день, когда внезапно ожила вилла «Мария», я ковырялся с пальмой – делал ей «апотеку». Пристроив один конец пластмассовой водопроводной трубы на обрешётку для богомилы, а другой под наклоном направив строго в центр кроны, я порционно замешивал средство, губительное для «неприятеля», и посредством лейки доставлял его к месту назначения. Раствор стекал по стволу, и кондовая

шкура его темнела, распространяя довольно отталкивающий запах.

За этим занятием меня и застал владелец виллы «Мария». Он поднимался по крутому проулку, вероятно, в расчёте встретить хоть какую-то живую душу.

Ещё Томас Манн приводил жалобы писателей на невозможность точно описать людскую внешность и присоединялся к ним в этой профессиональной скорби. Что же добавить мне?

Человек, которого я увидел, удивлённо глянул на московские номера автомобиля. Выражение его лица свидетельствовало за то, что он колеблется и пребывает в затруднении.

– Говорите свободно, – ободрил я его. – Прямо по-русски.

Конечно, я не отказался пойти взглянуть на его пальмы. Две из них были обречены, за третью стоило побороться. Крона её выглядела неповреждённой, на макушке крепко стоял густой пучок молодых здоровых веток, а другие, имевшие форму слоновьих бивней,гнулись под тяжестью созревших оранжевых орешков.

– Когда они доедут эти, – сказал я, указав на несомненные признаки безнадежного упадка, – они переберутся сюда. Уберите их как можно скорее, если есть такая возможность.

* * *

На всякий случай я позвал Зорана, но даже его искусство и весь его опыт пасовали перед этим бедствием. Поскольку Зоран принципиально работал только ручным инструментом самой незамысловатой конструкции, да и не под силу было ему, стари-

ку, справиться с этими великанами, пришлось обратиться к молодому садовнику из Будвы.

Одна за одной валились с высоты высохшие серые ветки. Надрывалась пила. Когда пошёл ствол, Савва то и дело прекращал работу чтобы подточить полотно. Круглые срезы ствола спускали вниз аккуратно, потому что брошенные с высоты, они вполне могли расколоть даже бетон, а здесь двор был устлан дорогой плиткой.

Я тем временем разглядывал двор, со стороны дороги заключённый в неприступную ограду. По периметру густо росли розы, перемежаясь кустами гортензий.

В двух десятках метров напротив дома на воде стоял дорогой катер, – я обратил внимание, что он тоже называется «Мария», – но рядом имелась и простая лодка.

Когда моё присутствие сделалось бессмысленным, я попрощался и вернулся к себе. Уже в темноте поднялся ветер, и там, где раньше был синий треугольник морской воды, теперь по жёлтому мрамору бахромой метались тени пальмовых веток.

Появление нового соседа, что означало увеличение, усложнение и обогащение жизни, в принципе, должно было вызывать во мне самые положительные эмоции, но меня нежданно-негаданно охватила грусть, природу которой я никак не мог понять. Камелия моя отцвела и я ощупывал её ревнивым взглядом. К фонарю подлетали угловатые летучие мыши, похожие на ласточек, и тут же прядали прочь. Я рано отправился спать.

Утром следующего дня Максим снова поднялся ко мне и предложил вечером пойти на кальмаров.

* * *

Существует устойчивое убеждение, что лучше всего кальмар ловится в дни полнолуния, однако практика доказала, что это предрассудок. Главным условием удачной ловли скорее является отсутствие ветра и спокойствие воды.

Мы отчалили на закате. Солнце сошло за горы, и над Соколиной грядой на жёлтом небе догорала пурпуром прядь всклокоченных облаков. Вода стелилась как натянутое полотно, испещрённая размытыми фигурами отражений. От неё веяло прохладной свежестью, и, пожалуй, не подобрать слов для передачи её запаха, а он, несомненно, был. Даже волна не плескала о борт лодки. Словом, минута текла волшебная. Мы оказались словно в самом центре мироздания, способные охватить сразу всё одним единственным взглядом и совершенно неспособные сказать, чего здесь не хватает. В такие мгновенья проникаешься убеждением, что жизнь не имеет конца...

* * *

Многие жители этих мест при ловле кальмаров используют нависающие над носом лодки старые газовые светильники. Наша система был проще и современной: подключённый к аккумулятору фонарь мы погрузили в воду, и он ушёл на дно, мутным светом пробивая себе дорогу в глубину.

В темноте черты виллы «Мария» вступили в ещё большую гармонию с окружающими сущностями, нависая над водой грациозным силуэтом.

– Честное слово, дом у вас хорош! Где вы нашли такого чуткого архитектора? – не удержался я, но Максим только потянул носом.

Владельцев подобных особняков не принято доносить вопросами об их происхождении, хотя догадки строить не возбраняется, тем более, что все они на один манер. Оба мы были примерно одного возраста, приблизительно одного круга и оба понимали, что к чему. Я не заметил в нём склонности к панибратству, он уверенно держал свои границы, и на «ты» мы так и не перешли. Впрочем, они не были похожи на надменный фасад виллы «Мария», они отличались гибкостью и мягкостью, которые, как я быстро убедился, требовали от другого совсем немногого, и меня это вполне устраивало.

– Архитектор – моя жена. Она его спланировала, – ответил наконец он на мою реплику и повёл рукой в сторону берега. – Это всё для моей жены. В её честь.

Мне уже приходила мысль, что название виллы и катера навеяно именем жены или возлюбленной, но, конечно же, последнее уточнение стало неожиданностью.

– Только вот незадача, – усмехнулся он и уставился на меня так, как будто я был к причастен к тому, о чём он собрался сообщить. – Её нет.

Признаться, я был обескуражен, ведь слово «нет» способно поведать совсем о разных вещах. Здесь леса моя натянулась, но я даже не сделал попытки начать её вытягивать.

– Она ушла, – добавил он, но и это по указанным причинам не внесло ясности.

– Развелась, – как-то просто сообщил он, так что я, перебрав уже в уме все возможные варианты, включая и наихудшие, даже перевёл дух. Правда, сказать что-то на этот счёт было затруднительно.

Я достал кальмара, снял его с крюка и плюхнул к другим в небольшое ведёрко от фасадной краски. Максим наблюдал за моими движениями с таким выражением, словно ими я продолжаю наш разговор.

– А вы? – поинтересовался он. – Были вы женаты?

– Когда-то давно – был, – ответил я. – Недолго.

Он помолчал, смотря куда-то в сторону.

– Тогда вам сложно всё это понять.

Я огляделся. Дымка слила горные гребни с небом в одно. Понять, действительно, было сложно, но примерно я всё же понимал. Столь странно и неожиданно завязавшийся разговор как будто давал мне право на некоторые вопросы.

– Ушла к другому? – решил спросить я.

– Не знаю, нет, – мотнул он головой. – Она ушла от меня.

– М-м, – отозвался я. Последние два слова он выделил интонацией.

– Но главное, я не знаю, где она. Она удалила все свои странички в социальных сетях. Где она? Я не знаю. У неё есть сестра, замужем за швейцарцем, живёт в Базеле. Давно. Может, и она там? А может, и не там. Мир большой.

Звёзды засыпали небо и словно и впрямь образовали над нами купол, упёршись в скальные возвышенности, верхняя граница которых была уже отчётливо различима. Мы оказались как будто в гигантской чаше, точно осы, угодившие в ведро с водой.

– В две тысячи седьмом году мы отдыхали тут у друзей – их уже нет здесь – и прямо-таки влюбились в это место, – сказал Максим. – Вы старого Йована знали?

Старого Йована я не знал, но о нём слышал, потому что именно ему принадлежал сарай, на смену которому явилась вилла «Мария».

– Пока Йован был жив, он и слышать не хотел о том, чтобы продать участок. Но когда умер, с дочкой его мы сторговались. Тогда здесь всё только начиналось. Наняли яхту, сделали снимки... На гору забирались, оттуда делали. Днями мы стояли на этой яхте напротив этого места и мечтали. Как она радовалась, как ломала голову, чтобы вписать здание так, чтобы не пострадали пальмы...

Когда снова натягивалась леса, он принимался тащить её с какой-то нежной надеждой, так что весьма глупо мне казалось, что он ожидает увидеть не сиреневого кальмара, а свою жену.

Из-за черты гор всплывали всё новые звёзды, и небосвод над нами тихо поворачивался. От свежести воды, от этого осязаемого движения голова у меня начала немного кружиться.

Максим отпустил снасть и заговорил спокойным, даже тихим голосом, точно мы находились не в лодке, а сидели в уютных креслах в покойной комнате, располагающей к доверительной беседе.

– Видите ли, когда-то я мечтал снимать кино. Тарковский, «Зеркало», «Пепел» Вайды – я бредил ими. Во ВГИК поступил только со второго раза. Время было такое, что в качестве дипломной работы мы сдавали не фильм, а просто раскадровку – от нищеты. В девяносто седьмом году во всей Российской Федерации было снято всего тринадцать картин. Но мы надеялись. С Васей со сценарного мы писали сценарий к моему первому фильму, который, конечно, так

и не был снят. И история вышла у нас такая хорошая, нежная. Про девушку, которая... Ну, неважно, чем занималась у нас эта девушка... Шпаликов мой давно спился, не знаю, где он сейчас. Заявил, что лучше устроится в рекламное агентство копирайтером – так тогда это называлось, – чем станет тратить жизнь на такую муру. А писать, что ни говори, он умел.

Даже в темноте я заметил, что при этом воспоминании в его глазах задержалась застарелая грусть.

– И тут появились деньги. Думаете, я снял историю про девушку? Как бы не так. Вместо истории про девушку я снял историю про юношу. Грубую историю, многосерийную, – именно то, чего от меня хотели... Ложь пришла к нам сразу, будто с неба свалилась. Вот как кроны падают у наших пальм... Самому корячиться стало не с руки – сделался исполнительным продюсером, совсем другие деньги, потом и генеральным. И пошло-поехало, уже без остановки. Трогательная провинциалка, столичный принц, честным трудом заработавший свои миллионы. Вот это был тренд! Слезой родниковой, от родной земли взятой, омывает провинциалка душу его, потому что, хотя и в ладах он с законом, но думает неправильно, да и вообще, кто же не без греха?.. Потом пошли менты, просто поперли – бойцы, борцы, одиночки. Фильмы выходного дня – отдельная тема. Любовные коллизии деловых людей – нищему населению самой богатой страны в самый раз! Такое вот вышло «Зеркало».

С мыса, которым кончается Доброта и которую замыкает на нём церковь св. Матфея, доносились звуки колокола и медленно, мелодично, хотя и тягуче,плыли над тёмной водой.

– Вся наша рукопожатная публика очень дорожит своим мнимым достоинством, но деньги берёт бюджетные и делает не то, что хочется, а то, что велит. Но в Facebook они гордо величают себя либералами. Но в чём же здесь либерализм: в образе мыслей или всё-таки в образе действий? И сказать об этом нельзя – только заикнись, и похоронишь себя заживо... Вы не поверите, но за всю жизнь – я имею в виду, с позволения сказать, жизнь профессиональную, – уточнил он, – я не встретил ни одного человека, который, имея дело со мной, смог бы настоять на своём – только свою жену.

Судя по всему, им овладело желание показать мне фото Марии, и он было достал из кармана куртки айфон, но передумал, потому что, пробормотав «простите», сунул его обратно.

– Знаете, почему? Потому что у меня были деньги, я знал, где и как их добыть, знал, кого отблагодарить. И эти юнцы, тоже бредившие Тарковским, хватались за всякое дерьмо, как юнги... Вот мои картины, те, которые я спродюсировал. – И он перечислил несколько названий.

По роду своих занятий я немного знаком с миром кино, но о названных картинах слышал впервые.

– Вот видите, – понял он моё замешательство. – Вы и понятия о них не имеете. И это объяснимо. От бюджета режиссёру остаётся разве треть. Бюджет – вещь деликатная. Его надо освоить. То есть, разобраться с ним по-свойски. Надо откатить, надо налить, надо отпилить. Ну, и себя не забыть. А что получается в результате? Разве кино? Нет – вилла «Мария».

Как раз в эти дни в Москве разгорался скандал вокруг студии одного модного театрального режиссёра, которого обвинили в хищениях. Его защитники использовали все доводы, начиная с того, что художник чист по определению, до того, что подлая злопамятная власть мстит режиссёру за его бескомпромиссную гражданскую позицию. Ничуть не отнимая у власти данных здесь определений, я всё же никак не мог уразуметь, каким образом гражданская позиция может подкрепляться средствами, взятыми у государства, исподволь вводящего цензуру во имя бонапартизма.

Здесь мой собеседник был абсолютно прав.

– Это как с этим пресловутым красным долгоносиком, с которым вы меня любезно познакомили. Думаешь, жизнь большая, всё можно успеть, а потом вдруг падает одна ветка, всего-то одна, – так ты думаешь, – всего-то одна ветка, а сколько их ещё остаётся, крепких, зелёных, – и не сосчитать. А потом виснет ещё одна. Но и это не беда, ведь правда?

И вот мы уже стоим, подобно этим погибшим пальмам, серые, иссохшие, отвратительные, и нас уже не спасти, и некому нас даже спилить. Когда-нибудь, конечно, спилят... А не то мы сами – такие вот долгоносики. Откладываем свои личинки и жрём, жрём... Вам видней, какое сравнение удачней, – заключил он внезапно повеселевшим голосом.

Я задрал голову, и мне показалось, что звёзды сложились в гигантскую бабочку, которая замерла на небе – какой-то ночной павлиний глаз – и спугнуть её было жутко.

* * *

В марте большие круизные теплоходы уже заходят в Котор, и, проведя день под верками средневековой крепости, покидают стоянку уже как правило в темноте. За разговором мы проглядели приближение корабля, и он возник как видение.

Сияющая громада, разливая вокруг беспечную музыку, скользила мимо нас, властно приковав к себе наши взгляды. На верхней палубе виднелись разноцветные фигурки людей. Иллюминаторы кают светились окнами многоэтажного дома и, быть может, глядя туда, Максим допускал что его Мария сейчас на этом борту. И я тоже об этом думал, потому что в жизни случается всякое, хотя в это и сложно поверить.

– А она всё ждала, когда же я оставлю всё это и наконец появится фильм про девушку, которая...

Прежде чем зайти в Вериги и устремиться к Герцог-Нови, за которым расстилается простор Адриатики, лайнер издал несколько прощальных гудков, и светящаяся корма плавно скрылась за чёрным мысом. К этому моменту нас достигла его волна. Качка была такой сильной, что мы машинально вцепились руками в борта и молча её пережидали.

– Однажды она мне сказала... – продолжил было Максим совсем уже упавшим голосом, но замолк, так как лодка попала на особенно сильную волну.

Скоро всё улеглось. Километрах в двух на воде светился огонёк ещё каких-то рыбаков, и в огромном пространстве до нас долетали их гортанные голоса.

– Так вот, и она сказала мне: ты просто вор, ничтожество.

Из-за туманного Ловчена огарком всходила ущербная луна. По мере того, как он говорил, я всё больше впадал в замешательство, в итоге переросшее в угрюмость.

– Зачем вы всё это мне рассказываете? – с досадой спросил я. Я вовсе не чувствовал себя благочестивым каноником, имеющим право принимать исповеди.

– А кому ещё мне всё это рассказать? – ответил он, резко подавшись ко мне и повысив голос, так что он разлетелся во все стороны и ударился о скалы. В эту секунду мне показалось, что он готов вышвырнуть меня из лодки, и, признаюсь, я украдкой развязал шнурки на обуви, готовясь плыть к берегу – ведь лодка-то была его.

Внезапно тишину распорол рёв мотоцикла, который бешено мчался по пустой дороге в сторону Рисана с такой умопомрачительной скоростью, что управлявший им человек рисковал превратиться в суповой набор. Мы внимательно вслушивались в безумие этого звука, пока его не поглотили береговые изломы, а, может, он и впрямь свернул себе шею.

Мы были как пьяные и похмелье грозило сделать-ся воистину мучительным.

* * *

Тем не менее страхи оказались напрасными и всё обошлось. На следующий день он явился ко мне как ни в чём не бывало и предложил вечером прокатиться в Тиват. Мы поехали на моей машине, припарковали её у «Дома здоровья» и направились на набережную полуторавековым парком, разбитым некогда по инициативе одного австрийского чиновника.

Методично мы обошли все бары на набережной, пока не уткнулись в «Al posto giusto» – выражаясь очень условно, последнее прибежище негодяев.

– Мы ищем приключений? – поинтересовался я.

– Не то что бы, – уклончиво отозвался он, с интересом разглядывая посетителей.

– Обратите внимание, – с иронией сказал он, – какое благопристойное место я выбрал. Предусмотрел всё – даже соблазны.

Публика, коротавшая время вместе с нами, в самом деле озадачивала. Мало кто тут походил на яхтсменов и усталых путешественников, а вот на наркобаронов – каждый второй.

– По-настоящему ощутить ценность чего-либо можно только его утратив, – изрёк я всем известную банальность, хотя и старался изо всех сил удержаться от этих слов.

– Так и есть, – согласился Максим, беззастенчиво разглядывая некрасивых, дурно покрашенных девушек, напоказ сидевших на высоких стульях в центре помещения. – Это проститутки?

– Понятия не имею, – усмехнулся я. – Может, и так, но лучше не связываться.

Но Максим глаз от девушек не отвёл, и одна уже поглядывала в нашу сторону, отвечая на его взгляды.

– Так и мы продали ту девушку, которая... – сказал он мне. – О, она много чего умела, эта чудная девушка, на многое надеялась, ведь жизнь лежала перед ней нетронутой. Она была непосредственна и обладала добрым сердцем... А мы продали её, как рабыню на Стамбульском рынке, как проститутку на Ленинградке. Продюсеры. Продюсеры-сутенёры.

Озноб пробрал меня во время этого убийственного монолога, а ведь атмосфера вокруг была умиротворяющая и приятная музыка ласкала наш слух.

– Но что-то же вы намереваетесь делать? – сказал я с нажимом.

Он пожал плечами.

– Понятия не имею, но что-нибудь придётся. Буду ловить кальмаров. Изведу их всех, – рассмеялся он.

Бар закрылся в час, и ещё некоторое время мы пошатались по маленькому кварталу Porto, заглядывая в ярко освещённые витрины. Выражение лица моего спутника ясно говорило о том, что всё ему здесь по карману.

– Три раза не пообедаешь, – сказал я, произвольно сворачивая на вчерашнее.

– Вы в самом деле так думаете? – переспросил он, и в голосе его проступило недоверие. От давешнего бедолаги не осталось и следа.

– В самом деле, – заверил я его понуро, точно признался в преступлении или подписал себе приговор.

* * *

Вой сирен я услышал сквозь сон уже на рассвете. Несколько полицейских машин в беспорядке разместились возле виллы «Мария». Солнце ещё играло где-то за Ловченом, и снующие туда-сюда в хмурых просонках фигуры людей казались зловещими. Признаться, я уже предполагал самое страшное – что Максим покончил с собой, ибо некоторое тревожное безумие, безусловно, имело место в нашем вчерашнем разговоре на воде. Однако, не успел я додумать эту мысль, как он возник передо мной живым и здоровым.

– Забыл запереть дверь на первом этаже, – невозмутимо пояснил он. – Пока мы изучали ночную жизнь, тут подплыли на моторке.

– И что пропало?

– А, пустяки, – Он отмахнулся. – На столе лежала тысяча евро – две бумажки по пятьсот. Пара бутылок вина. Да, и кальмаров наших забрали из холодильника... Что ни говори, – добавил он, чуть прищурившись, – красивая работа!

– Да чёт с ними, с этими кальмарами, – выдохнул я, успокоенный тем, что моё опасение не оправдалось.

Несмотря на то, что часть ночи мы провели вместе с хозяином, полицейский офицер счёл необходимым задать мне несколько вопросов. Важность черногорцев, находящихся при должности, давно сделалась забавной и заметной деталью.

Впрочем, «пустяки» были рассчитаны на меня одного, и неприятно было смотреть, как предупредительно держал себя Максим с полицейскими, точно ограбил сам себя, и какую дотошность и мелочность выказал в защите своего поправленного права. Формально придраться тут было не к чему, но как-то выходило так, что пропажа жены равнялась пропаже двух бутылок вина, а по такому поводу, надо сказать это прямо, счёты с жизнью сводят только в совершенно исключительных обстоятельствах.

* * *

Дружбы, или даже приятельства, между нами не вышло. Уезжая, Максим не предложил обменяться телефонами, я тоже не стал навязываться. Зоран рассказал мне, что он оставил ему ключи и договорился,

чтобы тот делал оставшейся пальме «апотеку» и вообще приглядывал за насаждениями.

Меня всегда поражала одна вещь, которая и по сей день кажется мне необъяснимой: люди совершенно противоположных нравов, мало того, противоположных моральных принципов, с одинаковой любовью относятся к растениям, пестуют их и лелеют, и проявляют о них всяческую заботу. Вообразите, мне это представлялось странным! Но ведь всем нужно дышать, всякому необходима вода и никто не может обойтись без пищи, будь он хоть сам Кудеяр или Симон де Монфор. И я только дивился, как это, дожив до седых волос, я опутан какими-то детскими предрассудками о добре и зле...

* * *

Те никем нежданные, необычайные морозы, о которых я упомянул в начале, обрекли много поморанцев, особенно лимонов, не выносящих даже минимальных минусовых температур. У моей соседки Станки замёрзли бананы, саженцы которых её муж, палубный начальник торгового флота, привёз из каких-то экзотических земель. Другой сосед, белградец Ненад, лишился огромного авокадо.

История авокадо была проста и прекрасна: лет сорок назад шутки ради Ненад зарыл на своём участке косточку от плода этого дерева, и каково же было его изумление, когда косточка дала росток, разросшийся в ветвистое дерево. Как Станкины бананы развевались под ветром, словно зелёные паруса или японские воинские значки, так и продолговатые плотные листья авокадо меняли цвет в зависимости от сезона и вносили известное разнообразие в окрестный пейзаж.

Что-то около года Ненад не решался спилить авокадо, видимо, надеясь, что чудо случится с ним и во второй раз. Но чудо медлило, и Ненад сдался.

Тот же проворный садовник из Будвы, пиливший когда-то пальмы на вилле «Мария», принялся за авокадо. Он пилил его частями, обвязывая ветки верёвкой и спуская их вниз, а я увесистым топором, похожим на секиру, раскалывал чурки ствола.

Со двора Ненада вилла «Мария» была виднее, и я обратил внимание, что несколько веток единственной ещё оставшейся там пальмы беспомощно повалились набок. Накануне мы испытали свирепую бурю, но никакая буря не в состоянии обломить ветви здоровой пальмы.

Ненад был пенсионер, а потому проводил во Врдоле намного больше времени, чем я, а, следовательно, больше видел. Когда я указал ему на пальму, явившую первые признаки гибели, он сказал кстати:

– Они были тут в конце мая.

– Они? – переспросил я.

– Ну да, этот Максим, и женщина была с ним.

Оказалось, что хозяин со своей спутницей пробыли около недели, дом был непривычно освещён и катер несколько раз выходил в море. Осведомляться о внешности этой женщины я счёл излишним, ибо Максим так и не показал мне фотографию Марии, а экстрасенсорными дарованиями я обделён.

* * *

Ненад очень тужил о своей потере, однако нет худа без добра: исчезнувшее дерево предоставило мне более свободный вид на залив, в том числе и на виллу «Мария».

Жизнь, несмотря на всё своё многообразие, уже понемногу ускользала от меня, так что память нет-нет да и возвращала меня к этой истории. А о чём, право, было ещё и думать: не о двух же бутылках вина? И порой мне в голову закрадывалось сомнение, а не была ли Мария плодом воображения, мифологемой? Но зачем он её придумал, символом чего она ему служила и какую роль сыграл тут я? Эти вопросы преграждали дальнейший путь моей мысли столь же непроницаемо, как мой взгляд преграждал угол жёлтого мрамора между крышами Ненада и Сладжины, по которым ходили коты.

Впрочем, один случай развернул сомнения вспять. Однажды – дело было в апреле – со своей террасы я заметил яхту, медленно шедшую вдоль нашего берега. Яхта явно сбавляла ход и неожиданно стала прямо напротив виллы «Мария». Ничего странного в этом не было, но уж больно долго она стояла. Я вооружился подзорной трубой и навёл резкость. По некоторым признакам я понял, что яхта местная, прокатная, взятая, скорее всего, в Porto Montenegro.

В купите стояла женщина и, сложив руки на груди, не отрываясь смотрела на фасад виллы «Мария». На ней была надета светлая штормовка, а вот черты её лица я разглядел весьма приблизительно. Кончилось это тем, что женщина решительно спустилась вниз, яхта тут же тронулась и ушла к Котору.

* * *

До сих пор я не встречал этого человека – Максима Соснова – ни очно, ни в титрах фильмов, которые изредка смотрел, ни в статьях о кино, которые читал.

Во время моих приездов вилла стояла пустая. Возможно, он и навевывался сюда в моё отсутствие, но этого я больше не уточнял.

Зоран, и без того уже дряхлый, занемог и оставил наши места, перебравшись к сыну на Луштицу. До последнего он сражался за пальму виллы «Мария», тем не менее долгоносик оказался сильнее.

Но вилла «Мария» великолепна даже без обрамления пальм. Она радует взор своей горделивой статью, и уже сложно представить Врдолу без этого создания. Дом, придуманный для счастья, пуст и, наверное, гулок внутри. Как бы то ни было, несомненно одно: кто-нибудь когда-нибудь обретёт его в нём.

СРЕЧА

Медицинские учреждения Боки находятся на должном уровне, а два из них даже снискали добрую славу. Но люди всё равно болеют и мрут.

Первое находится в Игалло, у самой хорватской границы, там весьма успешно занимаются ортопедией и неполадками с позвоночником, но заканчивается по-разному.

Ещё раз говорю: болеют и мрут потомки шкиперов, матросов, морских венецианских почтальонов, пастровичанских земледельцев, сербских попов, пиратов, контрабандистов, железных цетинских горцев и, возможно, францисканских монахов, да и мы не отстаём.

По свидетельству одного мемуариста, в начале восемнадцатого века в Герцог-Нови подвизался всего

один врач, прибывший из Италии, и тот в конце концов вынужден был уехать по причине полного отсутствия практики.

Какие выводы следуют из этого сопоставления? Исключительно следующие: приобретая во времени, мы всё же что-то теряем, или, если угодно, оставляем взамен.

Другое место – лёгочный санаторий «Врмац» в нашей Врдоле, и это составляет предмет гордости её жителей, но и обитатели соседней Прчани имеют на неё не меньшее право. Некогда было замечено, что при слиянии Прчани с Врдолой морской воздух вступает в особенную связь с запахом лесистого горного склона, что создаёт необыкновенно целебный микроклимат, благотворно действующий на людей с дыхательными заболеваниями.

И в самом деле, самые изысканные и неожиданные ароматы, сменяют здесь друг дружку, преимущественно весной, словно картинки в волшебном фонаре, вызывая не только оздоровление, но и изумление. Здесь-то и устроили ещё в эпоху единой Югославии медицинский центр, моментально завоевавший популярность.

В своё время мне посчастливилось стать владельцем небольшого домика в непосредственной близости от медицинского центра «Врмац». Тогда я ничего не знал о рекреационной зоне, а когда об этом прослышал, то попытался определить её границы, однако безуспешно. Никто, включая персонал, не мог с точностью указать, где в той или другой стороне уместно будет положить ей пределы. От моего пристанища до эпицентра зоны всего-то минут семь не-

спешной ходьбы, и совершая прогулки, я до сих пор гадаю, за каким деревом, кустом, столбом или береговым строением волшебство природы ослабевает.

Несмотря на свою всеевропейскую известность, большую часть времени отель-санаторий стоит полупустым. Его нижние просторные помещения иногда нанимают для свадеб, или община Котора проводит здесь свои ежегодные праздники с неизменным коло. Бывает, что в отеле проходят сборы гребцов из России или из Сербии, и, действительно, лучшего места не сыскать, ибо гладь залива представляет для их упражнений отличное поприще.

И, конечно же, встречаются и собственно пациенты. Один из них – Алексей Артамонович. Алексей Артамонович полноват, но подвижен, и, хотя для чтения давно уже прибегает к помощи очков, взгляд имеет цепкий и довольно острый и временами насмешливый. Седеющие волосы, некогда льняные, длинными прядями закинута на затылок, открывая высокий лоб мыслителя, а подбородок его украшает так называемая «профессорская» бородка. Впрочем, он и есть самый настоящий профессор – филолог-фольклорист.

Весной, когда у воды могучие павлонии зацветают огромными розовыми душистыми колоколовидными цветами, вот уже несколько лет кряду появляется Алексей Артамонович, страдающий астмой. Я вовсе не хочу сказать, будто стоимость услуг во «Врмаце», довольно умеренная относительно, всё же по карману российскому учёному, однако любящие дети Алексея Артамоновича, имеющие средства, позаботились о том, чтобы он ни в чём не имел нужды.

* * *

Алексей Артамонович любил поговорить, а я не прочь послушать умных людей, тем более, что наши интересы совпадали в очень значительной степени. Случалось, он достаивал своим посещением мою террасу, но чаще мы отправлялись в кафе «Среча», которое находится уже в Прчани.

Выговор Алексей Артамонович имел прекрасный, слова произносил отчётливо и раздельно, так что, когда в кафе на какие-то мгновенья исчезали все звуки и в эфире звучал только голос Алексея Артамоновича, Иванка, владелица этого милого заведения, замирала и с любопытством прислушивалась к узору чужеземной, но фонетически знакомой речи. Видимо, родственное слово будило в ней атавистическое чувство праславянского единства. В этом апреле она уже не носила розовые угги, а ходила в высоких ботфортах раструбом, что здесь в моде даже в жару, однако заколку в виде слова «love» в её волосах я больше не видел.

В то время года, когда нас сводила судьба, посетителей в «Срече» было совсем немного, и всё же некоторые из них курили, но Алексей Артамонович относился к этому с благодушной уверенностью, что пребывание в столь благодатном месте страхует его от неприятных последствий табачного дыма.

Своим типажом чем-то он напоминал композитора Роберто, итальянца, который по неизвестным мне побуждениям избрал Врдолу местом своего постоянного жительства и тоже захаживал сюда ненароком, но даже тот сильно уступал в представительности нашему профессору. И «парень с горы», мой закадычный приятель, в простоте своей опасался к нам при-

ближаться, видя такое благообразие. Наше появление в «Срече» неизменно вызывало какой-то душевный подъём как завсегдатаев, так и персонала, который большую часть времени был представлен одной лишь Иванкой. Говоря по правде, управляться тут было не сложно, еды не готовили, предлагали одни напитки, да и приходили сюда не закусывать.

Выбрав местечко по душе, Алексей Артамонович устраивался поудобней и начинал свои лекции, впрочем, чрезвычайно познавательные.

– Для истории возникновения и развития понятий нужно иметь в виду, что из мира ничто никуда не исчезает, ибо во всем существующем всегда есть нечто, что необходимо сохранить и развивать. Однако один общественный институт заменяет другой, но даже в том случае, когда первый, казалось бы, повсеместно торжествует, второй не прекращает своего существования полностью, а продолжает существовать как бы в скрытом виде. И дело здесь в том, что факты, относящиеся к внутреннему миру человека, несравненно менее ясны и более сложны и запутанны, нежели факты или явления физического мира. История, как великолепно говорил об этом Фюстель де Куланж, изучает не одни только внешние явления и учреждения. Настоящим предметом её изучения является человеческая душа...

* * *

«Среча», которую я назвал милой, по правде говоря мало чем отличается от прочих заведений побережья, но Алексея Артамоновича тут прельщало название. Дело в том, что «среча» значит одновременно и

счастье, и долю, жизненный жребий, судьбу. Разногласия учёных мужей заключались тут в том, каково происхождение этого понятия. А выяснению этого отнюдь непростого вопроса Алексей Артамонович посвятил большую часть своей научной жизни. Согласно его объяснениям, одни со времён академика Веселовского держались того мнения, что встреча это собственно встреча, то, что набежало со стороны, как выразился академик, и имеет самое непосредственное отношение к сретению, – другие, к которым принадлежал мой визави, отдавали первенство слову. Так он и заявлял: «Я ратую за слово».

– «Срекать», то есть словом изменить судьбу, – пояснял он. – Срекать – своими словами навлекать беду, несчастье на кого-либо, а так называемую Сречу, которая встречается на людских путях, одаряя их удачей или напротив, горестями и бедами, он считал поздней религиозной трансформацией матерей неолита, которые посредством наречения имени определяли судьбу младенца: такие доводы приводил он в защиту своего мнения, и его взгляды были родственны воззрениям нашего знатока вопроса Алексея Ветухова и знаменитых поляков Крушевского и Бронислава Малиновского.

– Не поверите, но будучи студентом, в Рязанской губернии на практике я самолично стал свидетелем такого происшествия. «В саду мать дочире сракаит, а матиру так-то не срикош». Через полчаса мы узнали, что в этот момент дочь убило молнией...

Я глянул на него озадаченно, потому что и в самом деле ему не поверил, между тем он продолжал:

– Или разберём слово «нарочно». Я уже упоминал, что часть и жребий выступают синонимами. Иными словами, жребий это нареченное. От наречь образовано нарочно – указание на нарочитое, умышленное действие. Видимо, считалось, что умысел сам по себе не ведет к результату, если он не подкреплён известным обрядовым, магическим действием, которое, как ясно на то указывает само слово, прежде всего должно было выразиться в произнесенном слове. «Да любили её не нароком, по правде», поётся в одной из белорусских песен...

* * *

Одним чудесным вечером мы позволили себе лишнего. Тут уж речь зашла о таких предметах, что мысль трепещущим ангелом воспаряла над столом с бутылками. В не сезон «Среча» закрывалась в одиннадцать, и кроме нас и Иванки никого уже не осталось, и она, замороженная монологом Алексея Артамоновича, терпеливо ожидала этого часа.

Алексей Артамонович говорил, что андрогинность – это исходная точка движения цивилизации и все мы вышли из единого естества, и что когда-нибудь в непостижимо далёком будущем мы непременно к нему вернёмся. В этом он усматривал замысел Творца, который человеку ещё только предстоит разгадать...

Из «Сречи» мы отправились обходным путём: по набережной мимо чёрно-белого невысокого маяка, в определённые промежутки времени выбрасывавшего во тьму зелёный сигнал. Алексей Артамонович мурлыкал популярную песенку нашей молодости:

Когда фонарики качаются ночные,
 Когда на улицу уж страшно выходить,
 Я из пивной иду, я никого не жду,
 Я никого уже не в силах полюбить...

Наконец мы дошли до той излучины, откуда открывался особенно впечатляющий вид: горные отроги, различимые своими оттенками даже в темноте, рисовали в небе причудливую линию, и та часть заливы, которая лежала перед ними, замыкалась виллой «Мария», выступающей над водой, словно нос корабля, который вот-вот устремится к далёким горизонтам. Здесь мы сделали небольшую остановку. – Чудо! – воскликнул Алексей Артамонович и застыл на месте, как будто только сейчас её увидел. – Кому принадлежит? Силовику из Омска? Сербскому министру? Депутату Европарламента?

– Да нет, наш русачок, – ответил я с усмешкой.

– Наши русачки, – сказал Алексей Артамонович, – впали в первобытное мышление. Ведь как рассуждали тогда – если мне удача, значит меня любит Бог. А если удачи нет, то нет и Бога... Довольно остроумное доказательство бытия Божия, ничем не уступает прочим теодицеям, – добавил Алексей Артамонович.

Я, насколько позволяла чужая тайна, уверил Алексея Артамоновича, что здесь мы имеем дело с противоположным случаем, и что владелец виллы «Мария», – так и подмывало назвать его злополучным, – вовсе не причисляет себя к любимым чадам господ, скорее наоборот.

– Вот и выходит, что необходима личность, которая была бы обязана, – он подчеркнул это слово, – исправлять эти заблуждения.

Потягивало водорослями. Зелёный свет маяка неутомимо освещал чешую воды. Мне уже закрадывались догадки, что Алексей Артамонович исповедует монархизм, но, конечно, куда более высокого полёта, чем пресловутая крымская прокурорша.

– Кстати, пришла мне на память одна история. Лет десять назад ездил я в Болхов – это городок в Орловской области – к одной древней старушке-сказительнице. Железной дороги там нет, и мне пришлось взять машину до Мценска. Была зима... Глянь – стоит на обочине монах. Откуда он взялся – ума не приложу! Как из-под земли вырос. От обочины до леса – целина, расстояние порядочное, следов не видеть, да и не видел я, чтобы он шёл с той стороны... Среча! – с восхищённым смирением изрёк он своё любимое слово, хотя и не в том значении, которое отстаивал в своих трудах. – Водитель предложил подбросить его, я, конечно, и не возражал, – оказалось, он ехал в Мценск в аптеку. Дорогой мы разговорились и, оказалось, кое в чём сошлись. «Батюшка, – сказал я, – вот бы нам царя хорошего». И знаете, что молвил мне сей загадочный муж? «А достойны мы хорошего царя?»

Вопрос и вправду заслуживал отнюдь не праздного размышления. Мы уставились друг на друга, мучительно решая эту задачу. Вода лениво плескалась у наших ног, и камни, выступающие из неё беспорядочными грудами, глянцево блестели.

– Может, хватит уже и Бога, – нерешительно возразил я.

– В России нельзя без посредника, – без обиняков заявил Алексей Артамонович. – По-другому у нас ничего не получается. Скверно другое. Те, кто в наши

дни претендует на это место, увы, одержимы такими низкими стремлениями, которые тянут нас назад.

– Пётр тоже был посредником? – усомнился я.

– Отчасти, – сказал Алексей Артамонович, – поскольку он побуждал людей идти вперёд, хотя средствами и сомнительными с точки зрения современной морали... – и только тут мы заметили девушку, сидевшую на каменной скамье и смотревшей туда, куда и мы смотрели некоторое время назад.

– Среча, – подмигнул мне подгулявший Алексей Артамонович и без стеснения обратился к девушке.

– Милая барышня, вас тоже пленил этот вид?

– Уф, – с каким-то облегчением подала голос девушка. – А я уж думала, опять эти местные дон-жуаны.

– Неужто не дают проходу? – спросил Алексей Артамонович с едва слышной иронией.

– Мы пройдем везде, – заверила девушка, точно геолог или морской пехотинец. – Я вам скажу, дедушка. Наши дыры дома ждут принцев. А здешние горе-женихи ждут принцесс из России. Они уверены, что все мы миллионерши.

– Мы? – переспросил Алексей Артамонович, ничуть не обидевшись на «дедушку». – Так вы принцесса! – воскликнул он.

– Когда-то была, – невозмутимо ответила девушка. – Но теперь уже Снежная королева.

Мы пожелали соотечественнице спокойной ночи и выразили надежду, что она не доверит свои северные капиталы первому встречному.

Я простился с профессором и побрёл к себе. На дороге под фонарём в недвусмысленной позе сидели существа семейства кошачьих. Завидев меня, блудо-

деи приостановились. Я был уверен, что они бросятся прочь, однако они замерли, даже не двинувшись с места. Огромный рыжий кот не опускал свою партнёршу, прижав её к земле увесистой лапой. В его глазах я прочитал настороженное и наглое раздражение. Кошечка, судя по её довольным глазам, тоже не выглядела жертвой, и я убедился, что всё здесь происходит по взаимному согласию. Поражённый подобным бесстыдством, я испытал нечто похожее на чувство вины, ибо невольно стал свидетелем жизни, никак меня не касающейся. Быть может, и в самом деле ночь по праву принадлежала им, и я, невольно ускорив шаг, отправился дальше. Когда я удалился на приличное расстояние, погружённую в сон Врдо-лу снова огласили звуки звериной страсти.

* * *

Раз мы сидели в «Срече» и обсуждали кое-какие политические события, слухи о которых дошли из России, но применительно к нашему болоту слово «события» звучит не слишком основательно. Алексей Артамонович, вникнув в подробности, негодовал и кипятился.

– Вся наша беда в амбивалентности нашего сознания, – вещал он. – Чёрное-белое, день-ночь, правда-ложь, да-нет ну итак дальше. Но, конечно же, главным тут было: «свой» – «чужой». Все эти бинарные оппозиции, я думаю, когда-то на заре общественной истории сыграли какую-то неизбежную роль, но сейчас они изжили себя и превратились в помеху. Они мешают благотворному синтезу, который один и способен вывести человечество из тупика и обеспечить

дальнейшее развитие. Из-за них мы постоянно скачиваемся на ту или другую сторону гребня, не в силах на нём удержаться. А только там возможна истина. Истину надо искать, а не выдумывать. Но ищем ли мы её в самом деле? Сомневаюсь... Допустим, перед нами алфавит, и в ваши намерения входит произвести только несколько букв: скажем: «в», «н» и «с». Но в глазах нашего искалеченного общественного мнения, назвав исключительно эти буквы, вы словно бы произнесли его весь. А ведь это существо проклятие! Таким-то образом на одном полюсе собираются безумные либералы, – кстати, я ума не приложу, почему их так называют, – на противоположном – столь же безумные патриоты, опять-таки названные так по ошибке, а люди трезвомыслящие ничего не могут поделать, поскольку лишены всякого влияния на общественные дела... Посмотрите на Врдолу: воздух горной растительности и морские испарения создают же непостижимое сочетание.

Я остановил на нём задумчивый взгляд, потому что и меня частенько посещали схожие мысли, и как исправить это безумие, я тоже не мог приложить ума. Мог только на время прятаться во Врдоле.

– Человек утратил веру в себя, – уныло заключил Алексей Артамонович. – Но поверьте: то, что возможно в природе, теоретически не имеет ни малейших препятствий проявить себя в человеческом обществе. И это случится...

* * *

Иногда Алексея Артамоновича в его оздоровительных поездках во Врдолу сопровождала его су-

пруга – Ирина Николаевна. Это была чрезвычайно ухоженная дама, которая наверняка дала себе зарок оставаться женщиной в высоком смысле слова до самого конца. Пока её почтенный супруг принимал процедуры, она беспрестанно ходила по берегу по узкой дороге, а это в её годы кое-что значило. Долгое время она проработала выпускающим редактором одного известного журнала-долгожителя, недавно оформила статус пенсионерки, но пенсионеркой никак не выглядела.

Можно смело сказать, что Ирина Николаевна считалась в нашей части залива неугасимой звездой, да, верно, ею она себя и ощущала. Со своих прогулок она почти всегда возвращалась то с розой, то с нарциссами – всё из собственных садов тех поклонников, дома которых располагались на её пути. Не знаю, на что они рассчитывали, возможно, что ни на что, и все эти знаки внимания были обыкновенной данью восхищения и проявлением галантности. Впрочем, был один воздыхатель по имени Милош, как видно, строивший более серьёзные планы.

К мужу она относилась с лёгкой снисходительностью, что, впрочем, не мешало ей проявлять о нём трогательную заботу. Как правило, она появлялась в «Срече», чтобы увести разошедшегося Алексея Артамоновича, извинялась перед Иванкой и с непререкаемой твёрдостью прикрывала нашу лавочку. Впрочем, когда до закрытия «Сречи» было ещё далеко, Ирина Николаевна присаживалась к нам за столик, требовала лимонаду, рецепт которого здесь понимали буквально, просто бросая в чуть подслащённую воду ломтики лимона, и терпеливо внимала нашей болтов-

не. Понятно, что долгие годы совместной жизни сделали её знатоком в занятиях Алексея Артамоновича.

Именно поэтому в наших беседах она брала участие только изредка, и всячески старалась увести разговор к бытовым предметам, в которых знала толк. И мы, повинувшись её желаниям, поневоле обращались к сыру и маслинам, к шардоне местного производства, – словом, к здешним деликатесам.

– Кстати, – обратилась она как-то ко мне с непосредственностью, заставившей её мужа поперхнуться своим напитком, – почему вы не женаты?

– Ира-а! – с упрёком проговорил Алексей Артамонович, но я жестом успокоил его. От этих людей у меня секретов не было. Не было, кстати, и скелета в шкафу.

– Как вам сказать, – начал было я, но Алексей Артамонович нашёлся прийти мне на помощь, одним махом прекратив этот разговор.

– «То не была злата жица от ведра неба, ведь то была среча от мила Бога», – процитировал он старинную сербскую песню, окинул нас победным взглядом и, скрестив пальцы, сложил руки на животе.

– Любовь, – назидательно изрёк он и посмотрел на супругу выразительным взглядом, – редко приводит к счастью. Судьба в этом смысле более благодарна.

Я не знал их истории, но по красноречивому выражению лица Ирины Николаевны понял, что в данном случае правда на стороне профессора.

* * *

Милош был настырен, и даже Иванка, закалявавшая некогда волосы заколкой в виде слова «love»,

поглядывала на него неодобрительно, когда он вальяжной походкой переступал порог её заведения и, делая вид, что целиком поглощён футбольным матчем, которые наряду с водным поло не переводились на экране огромного плазменного телевизора, бросал на Ирину Николаевну выразительные взгляды. Алексей же Артамонович хранил по этому поводу полнейшее равнодушие и смотрел на Милоша как на пустое место, но за розами, которая приносила жена из своих прогулок, заботливо ухаживал, подливая воду в стакан, куда их помещали, и от души любовался ими. Но, сказать по правде, и Милош озорничал в меру, потому что был женат, и жена его, трудившаяся в Тивате в «Водоводе» главным бухгалтером, была не из тех особ, которые легко спускают подобные шутки. Жили они в Прчани, но ближе к Муо, в доме старинной постройки, возведённом в позапрошлом веке, и вполне возможно, что статус старожилы придавал Милошу самоуверенности.

Иногда Алексей Артамонович позволял себе добродушное подтрунивание над успехами жены, но в целом такое положение дел давало ему больше прав на посещение «Сречи», где он неизменно мог рассчитывать на почтительное внимание с моей стороны и на мои реплики, которые по большей части его просвещённость принимала благосклонно.

* * *

Алексей Артамонович был настолько любезен, что несколько раз вызывался помогать мне с пальмой, утверждая, что это его бодрит. Вообще, человеком он был любознательным, и, случалось, подол-

гу простаивал у какой-нибудь стройки, внимательно наблюдая за работой каменотёсов. Когда нам случилось находить личинку или кокон «неприятеля», он препарировал его с таким интересом, будто был не филологом, а биологом.

К моему удивлению как-то раз во время нашей работы он окольным путём вернулся к тому прерванному разговору в «Срече».

– Надо только уметь ждать, – сказал вдруг он, подавая мне снизу лейку с раствором.

– Да куда уж ждать? – Я понял его с полуслова.

– Не скажите. Кто умеет ждать, того судьба одаживает поистине сказочными благодеяниями. А пророческое слово вызывает событие к осуществлению. По чрезвычайно метким словам одного исследователя, глубоко проникшего в этот психологический механизм, «предсказание служит приговором, который приводит в исполнение вера».

– Мне не приходилось выслушивать пророческих слов, – засмеялся я. – Предрекли мне недавно только одно: а именно, что красный долгоносик всё же доконает мою пальму.

Поморщившись, Алексей Артамонович с несвойственным ему равнодушием бросил взгляд на пальму, и, отвернувшись и опершись локтями о перила террасы, некоторое время следил за учебным парусником «Ядран», шедшим мимо нас с поставленными стакселями во всем блеске своей старомодной красоты.

– Но это не значит, что они не звучали, – загадочно возразил Алексей Артамонович, дождавшись, когда лейка опустеет.

* * *

Он прекрасно владел сербохорватским языком, и вот как-то до него дошли слухи, что в Цетинье ещё жив известный народный сказитель. Тут уже пришла моя очередь оказать ему любезность.

К сказочнику мы отправились на моей машине. У Шкаляри устроен довольно хитроумный разъезд, и если пропустить нужный поворот, то угодишь на кладбище, чьи затейливые склепы обязательно напомнят о бренности нашей жизни.

Горная дорога закручивается головокружительной спиралью, а не доезжая Негушей с небольшого ровного клочка земли открывается такой потрясающий вид на дальнее устройство, что тебя охватывает гордость небожителя. Справа подпирает небо покрытая снегом вершина Ловчена, и восторг путешественника только возрастает.

К нашему разочарованию, сказки, которыми потчевал нас Радовой вперемежку со сливовицей, все до одной Алексею Артамоновичу были известны, а с иными так и вообще был знаком ещё Потebня. Мало того, Алексей Артамонович и сам рассказал Радовой сербскую сказку, о которой тот и не слыхивал, чем вызвал его неподдельное почтение. Однако красоты дороги и атмосфера древней столицы скрасили наше фиаско. Цетинье – город лип, и они воистину прекрасны там в любую свою пору.

Впрочем, из своего вояжа мы вынесли и кое-что полезное: Радовой описал нам то образ «Сречи», какой это хтоническое существо, видоизменяясь в столетиях, приняло в этих краях.

Местные жители говорят, что если встать осенью рано утром, до восхода солнца, – особенно хорошо, когда на земле изморозь, – то можно услышать, как Среча шепчет на ухо, что надо сеять в этот год, что лучше всего уродится. Некоторые люди действительно ложатся на землю и слушают, что советует земля. Если не совершить какой-нибудь непристойности, например, плюнуть на землю или выругаться, то Среча останется с тобой и будет руководить всеми полевыми работами к вящему успеху. Если же провиниться указанным образом, Среча исчезнет так же внезапно, как и появилась.

Среча значит удача, и зовут её ещё Белой Вилой. Ночью она купается в озере обнажённая. Она самая старшая из вил. Если украсть её одежду, то можно овладеть ею. Эта Бела Вила приходит к роженицам нарекать им судьбу, причём судьбу хорошую: «добра судьбу, удачу». Чтобы Бела Вила нарекла добрую судьбу, ей надо поставить пшеничной кутьи и запалить свечу.

Жёны часто «любоморны и завидны на Сречу», ибо она красивее всех женщин, и многие мужчины теряют от неё голову. Женская зависть гонит Сречу от жилья...

Отпуск Алексея Артамоновича подходил к концу, пора было и мне возвращаться к родным пенатам. После поездки в Цетинье мы улетели домой с разницей в несколько дней.

* * *

К слову сказать, пальму свою я не уберёг. В очередной приезд к своему ужасу я увидел абсолютно

высохшую крону, уныло висевшую вокруг ствола. От макушки не осталось и следа, и она напоминала тонзуру. «Апотека» оказалась паллиативом, ибо «неприятель» имеет свойство пробираться слишком глубоко в ствол несчастного дерева. И, хотя и удаётся выкурить некоторую часть паразитов, колония его слишком велика.

Я собрал нападавшие ветки, похожие на перья гигантского папоротника, и кучей сложил их на газоне.

Не заставил себя ждать и Алексей Артамонович, полный идей и новых планов.

Вот уже два месяца он трудился над статьёй, целью которой на этот раз было примирить данные лингвистики и этнографии. Как исследователю фольклора, до этнографии ему оставался ровно один шаг, да и того делать не было нужды, потому что фольклор это и есть этнография. С другой стороны, при исследовании зарождения понятий и изменений их во времени, историческая антропология вынуждена прибегать к помощи фольклора, так что и в этом случае Алексею Артамоновичу оставалось лишь занести ногу, что он и сделал.

– Проблема тут вот в чём, – как всегда охотно пояснил он. – Фактическое пренебрежение исторической стороной вопроса, однобоко филологический характер исследований не прошли даром для индоевропейского языкознания, существенно обесценили его усилия и снизили значение его свидетельств для исторических наук. Это тем более важно, что в использовании данных мифологии и фольклора лингвистами очевидны факты анахронизма. Так что «филологическая» концепция и по сей день произ-

водит впечатление довольно безотрадного повторения непроверенных утверждений зачинателей сравнительного языкознания... Одно из двух: либо не всегда верны законы лингвистики, либо не вполне точны наши познания институтов древнего общества. Истина ускользает! Но мы, несмотря на все препоны, обязаны её найти! – Эти слова могли показаться чересчур патетическими и даже несколько комичными, если бы не тот спокойный тон беспрекословного повиновения долгу, которым они были произнесены.

Я, со своей стороны, заверил Алексея Артамоновича, что всецело сочувствую его стремлениям и тоже готов искать истину, где бы она ни оказалась.

На этом мы простились и отправились выполнять данные обеты каждый к своему письменному столу.

* * *

Он ложился поздно, а вот писать мог исключительно по утрам. Что до меня, то ночь я считаю самым подходящим временем для работы. Но столько достойных мужей до меня уже обрисовали эти выгоды, что на этот счёт распространяться совсем не буду.

Та ночь, которая навсегда осталась в моей памяти неразгаданной загадкой, выдалась необычайно спокойной. Занимаясь своими штудиями, я обратил внимание, что за несколько часов, проведённых мной за столом, внизу не проехало ни одной машины. Единственное, что нарушало моё блаженство, были мысли о пальмовых ветках, кучей сваленных во дворе. Думаю, что причины, по которым в один день от людей бывает не протолкнуться, а иной похож на при-

частие, так и останутся непознанными даже в эпоху андрогинности.

В конце концов навязчивые мысли о ветках побудили меня прогуляться. Стрелки часов подходили к трём...

Я сгрёб ветки в охапку и побрёл к мусорным контейнерам, находившимся в сотне метров от моего пристанища. Наблюдения относительно ночи полностью подтвердились. Стояла мёртвая тишина, вода в заливе дремала, и с противоположного берега не доносился обычный собачий брёх. Фонарь, торчавший ближе к контейнерам, не горел; впрочем, его отчасти заменяла какая-то звезда, отличавшаяся от своих серебристых товаров густым и тёплым золотистым оттенком.

Тут что-то белое мелькнуло впереди, и стало ясно, что на пути у меня человеческая фигура. Сделав ещё несколько шагов, я опознал в ней женщину.

Даже впотьмах обращал на себя внимание её необычный вид. Я пристально вглядывался в её облик, стараясь заглянуть ей в лицо, но она двигалась мне навстречу чрезвычайно ровной поступью и, казалось, вовсе меня не замечала. Когда мы сблизились на такое расстояние, которое уже позволяло что-то заключить, на первый взгляд её можно было принять за сумасшедшую: длинные распущенные волосы, длинное белое одеяние настолько необычного покроя, не скрывавшее, впрочем, босых ног, что я могу лишь приблизительно назвать его ночной рубашкой...

Но тут она обернула ко мне лицо, и вместо одной звезды я узрел сразу две, да таких, каких не сыскать

на небе. И под влиянием этого взора меня охватил восторженный покой, если подобное словосочетание уместно по правилам нашего сознания, имеет какой-то смысл и способно сказать хоть что-то кому-либо кроме меня. От неё пахнуло разом и холодом и жаром – этого ощущения я тоже никак не способен переложить на привычный язык.

Как ни был я ошеломлён, всё же я сбросил ветки на положенное им место и повернул назад неуверенным шагом. Но когда я увидел, что странное существо исчезло в моём проулке, я словно очнулся и почти бегом бросился вслед. Звук моих шагов отдавался у меня в ушах, и в такой час живой человек, будь он действительно живой, или, по крайней мере, просто нормален, непременно бы оглянулся, но она этого не сделала.

От проулка, в котором расположен мой дворик, тянется узкий проход, выводящий на тропу, избегающую по крутому склону. Дальше начинаются стоки для воды, выложенные каменными стенками. Мимо них тропа ведёт в заброшенное горное селение. Там давно уже никто не живёт, все спустились к морю; крыши домов провалились, а стены слоями увиты плющом и хмелем, словно из них и построены. Кое-где ещё плодоносит черешня, айва и седые маслины. Рядом с церковью св. Ильи пятнадцатого века высится более поздняя колокольня. Не могу сказать, кто об этом позаботился, только навершие её с круглым циферблатом часов с наступлением темноты бывает искусно подсвечено, и новичок во Врдоле, прогуливаясь по берегу и не приглядевшись как следует, ошибочно может решить, что именно

с этой точки луна начинает обход своей небесной вотчины.

Но это кстати. К проулку я поспел в тот момент, когда её белое одеяние ещё колыхалось вдали, играя изменчивыми складками, и ещё успел увидеть, как она всплыла в упомянутый проход и истаяла в непроглядной черноте.

* * *

Едва дождавшись утра, а там и приличного времени для визита, я отправился в «Врмац». На входе дежурила Зорица, знавшая о нашей дружбе с Алексеем Артамоновичем, и пропустила меня без проблем.

В номере профессора я застал сценку, исполненную безмятежности, достойную кисти Фрагонара. Алексей Артамонович, притулившись с краю стола, что-то быстро писал, а Ирина Николаевна сидела на диване и читала книгу, с грациозной непринуждённостью упокоив левую руку на его спинке. До процедуры оставалось ещё с полчаса.

Подозреваю, что вид у меня был такой, что супруги воззрились на меня с неподдельной тревогой.

Некоторое время я молча переводил взгляд с одного озабоченного лица на другое, потом наконец выдавил:

– Я видел... Белу Вилу... Сегодня ночью.

– Ну вот! – почти с отчаянием сказала Ирина Николаевна, захлопнула книгу и вышла на балкон.

– Вы уверены? – озадаченно спросил Алексей Артамонович, резко отодвинув свои записи, так что листы, упершись в стопку косо лежавших друг на друге книг, изогнулись углом.

– Как я могу быть уверен, – сказал я, – когда я ни разу её не видел.

– Но отчего вы решили, что это была именно Сречa?

– Оттого я так решил, – пояснил я и покосился на распахнутую дверь балкона, решив не упоминать сейчас о волшебном взоре, целиком владевшем мной и по сию минуту, – что она как будто плыла по воздуху. Радовой ведь так и говорил: она идёт не касаясь земли.

Эта подробность качнула чашу весов, и Алексей Артамонович, непроизвольным движением придав стопке книг более правильный вид и опустив задранные подолы своих листов, решительно объявил о своём намерении грядущую ночь провести в надежде на встречу с Белой Вилой.

– Алексей, – сказала Ирина Николаевна с вызовом, – если ты не прекратишь свои дурачества, честное слово, я наконец подарю улыбку Милошу. И даже две.

– Дарить, – с достоинством отвечивал Алексей Артамонович, – священный долг человека.

– Померещилось, – предположила Ирина Николаевна, обращаясь ко мне.

Уж не знаю, почему, во мне она предполагала больше здравого смысла...

* * *

Для засады мы избрали заросли низкорослого инжира, который растёт здесь, как сорняк, в десятке шагов от мусорных контейнеров. Стараясь хранить молчание, как и положено следопытам, мы наблюдали за

дорогой. Ночь эта тоже выдалась не слишком беспокойной: всего-то несколько автомашин проехали в сторону Котора и в обратную к Веригам, а пешеходы и велосипедисты и вовсе не показывались.

Фонарь ещё не починили, но полотно дороги немало просматривалось, потому что полнощёкая луна обливала асфальт прохладным светом.

Мы уже немного продрогли, когда с дороги послышался звук неясного происхождения.

– Чу! – шёпотом воскликнул Алексей Артамонович и придержал меня за рукав, словно предчувствуя, что я готов без оглядки броситься навстречу неизвестному.

Каково же было наше возмущение, когда мы увидели сцену, которую я уже описывал и которую приличия лишний раз не позволяют мне воспроизводить в подробностях. Какая уж тут Бела Вила...

Это оказался тот самый рыжий кот с наглым взглядом ночного владыки, но вот кошечка, ублажавшая его на этот раз, по-моему, была уже другая.

– Далековато нам до андрогинности, – заметил я.

– Проклятье, – пробормотал Алексей Артамонович, исцарапанный дикой ежевикой.

* * *

Охваченные досадой, посрамлённые и немного пристыженные, мы покинули засаду и отправились по домам.

Немного возбуждённый этим не совсем разумным приключением, я не сразу отправился спать, а уселся на террасе и разглядывал обрезок лишившейся кроны пальмы. Сначала я хотел оставить ствол, как это

делают многие подобные горемыки, но сейчас одолели сомнения.

На самой высокой точке противоположной гряды доживала свой век австрийская фортеция, и солнце, всплывшее из-за Ловчена, коснулось своими первыми лучами именно этого старого укрепления. От неё красноватые краски рассвета спускались вниз, захватывая всё новые участки изрезанного морщинами склона, будто светило широко зевало и расправляло плечи, как пробудившийся богатырь. В эти минуты я решил, что фаллический символ, даже увитый плющом, под окном мне ни к чему.

Что ж, из Будвы опять прибыл Савва и бензопилой в два приёма смахнул погубленные ветки. Потом мы с Саввой распилили ствол, часть его он увёз со своим атлетически сложенным подручным, а два обреза длиной по метру каждый я оставил во дворе в воспоминание о былом.

Алексей Артамонович, не замедлил себя ждать: верный своей любознательности, он пришёл смотреть, как пилят пальму. А пилили её бесцеремонно.

Когда глазастый винтажный грузовичок «Застава» покинул двор, мы заняли импровизированные сиделища и долгое время озирали влажный срез, окружённый мохнатыми люпинами, как свеженасыпанный могильный холмик.

* * *

Вот так оно и вышло, несмотря на все мои старания. Вместо экзотического дерева, этой берёзы полуденных сран, в моём распоряжении остались только пни, правда, тоже не лишённые живописности.

Бывает, что в хорошую погоду я сажусь на один из них и наблюдаю, как скальную гряду противоположного берега, обычно серого, густо заливают румянец заката и понемногу стекает в воду залива в собственное отражение. Темнеет быстро. Оранжевый свет сменяют электрические фонари, ровной чередой тянущиеся по берегу. Ложатся здесь рано, но, конечно, далеко не все. С небольшими интервалами вдоль скал пробираются редкие автомобили. То они исчезают между домами, стоящими у самого берега, то снова показывается на открытых участках. Посёлков напротив немного, и их путь вдоль залива виден почти без помех.

Я люблю следить за их движением и сам люблю ночную езду по пустой дороге, когда фары выхватывают из черноты спящие дома, покосившиеся столбы, задумчивые деревья и снова погружают их во мрак.

Сознание того, что один ты бодрствуешь, тогда как все прочие погружены в сон, добавляет чувства свободы. Впрочем, можно углядеть здесь и толику гордыни. Но привычка есть привычка, и изменить её не легко, да и стоит ли стараться самому? Скоро время всё сделает за меня.

* * *

По-прежнему я считаю ночные часы блаженством для письменной работы. Происшествие, так и оставшееся неизвестно чем, не изменило мой образ жизни. Когда взор мой туманится, голова тяжелеет и мысль теряет летучесть, я, захватив пакет с мусором, ибо веток больше нет и не будет, отправ-

ляюсь по пустой и тёмной дороге к контейнерам. Чаще всего мне никто не попадает, разве редкий автомобиль на мгновение ослепляет фарами, а то другой посылает мне в спину короткий предупреждающий гудок.

Тем не менее, не в моих правилах долго себя обманывать: со сладкой тревогой я отдавал себе отчёт, что душевный покой мой нарушен.

Окно комнаты, где стоит мой покрытый стеклом стол, как раз выходит в проулок. На столе стоит зелёная лампа, под которой в счастливый час пляшут буквы. Горит она почти до утренних сумерек, когда птицы заводят свои песнопения, и, наверное, люди, проходящие по проулку, удивляются, замечая её тихий свет. Я же невольно прислушиваюсь к шагам этих полуночников, но голоса их развеивают мои надежды. Всё время это оказываются гости, приезжающие из Сербии к моей соседке Станке, или отдыхающие из лагеря, мимо которого идёт та узкая тропа, которая увела мою незнакомку. Но, хотя мы уже знаем, что ступает она, не касаясь земли, во мне жила уверенность, что я почую её шаги.

Радовой говорил, что жёны часто «любоморны и завидны на Сречу». Но, думалось мне, не присказка ли это? Ведь и наш Иван-царевич или какая-нибудь Василиса Прекрасная противоречат себе почти в каждой сказке, и я только недоумевал, как Алексей Артамонович сводит тут концы с концами. Ещё, как я запомнил, говорил Радовой о том, что Среча избегает жилья, потому что гонит её женская зависть, ибо она красивее всех женщин, и многие мужчины теряют от неё голову.

И с грустной улыбкой я размышлял, уж не Ирина ли Николаевна тому причиной? Но она что-то давно не появляется, однако Алексей Артамонович по-прежнему излучает неколебимую жизнерадостность, так что причины временного отсутствия его супруги, уверен я, чисто бытовые. А, может быть, виной тут Зорица, тоже не лишённая привлекательности, или суровая жена Милоша, или – неловко подумать – сама Иванка, владелица кафе «Среча»? Как-то шутики ради я предложил ей переименовать «Сречу» в «Белу Вилу», и к моему удивлению, это предложение она приняла всерьёз – обещала подумать. Видимо, чувствовала здесь некую разницу, а Иванка была не проста.

Несколько раз, когда меня поглощала тоска, поднимался я и в гору упомянутой тропой, и не ленился с неё сходить, но ни с чем необычным больше не сталкивался: видел ромашки, нежные фиолетовые крокусы, жёлтые примулы, розовый львиный зёв. Ну, и, конечно, вечные маслины, с завитыми в косы стволами.

Когда я пришёл в себя и хорошенько припомнил все подробности, мне стало казаться, что той ночью Бела Вила не только одарила меня своим взглядом, но и прошептала какое-то слово, обращённое лично мне. И в тот момент я как будто даже его разобрал, но вот теперь, как ни старался, никак не мог вспомнить. Скорее всего, сказалось ошеломление.

Однако вполне возможно, что *слово* это не более чем аберрация памяти, и, к моему огорчению, правы научные оппоненты Алексея Артамоновича: встреча это всего лишь встреча.

ОСЛИК ЯКОБ

Впервые очутившись во Врдоле, я долго не мог взять в толк, что за звуки раздаются по утрам из горных зарослей, непроницаемых даже для всеильных солнечных лучей. То был странный, ни на что не похожий рёв. Знакомствами в ту пору я ещё не оброс, и спросить было некого.

Так я и жил в неведении, пока наконец не узнал, что звуки эти – всего лишь крики осла, хозяином которого был Антоне, чей дом стоял неподалёку на самом берегу залива.

Невзирая на то, что был рождён от матери-сербки, сам себя он не причислял к славянскому племени, и, пожалуй, имел на то основания. Крещён он был в католической вере, как многие в этой части залива, и называл себя «романом», то есть потомком тех выходцев из южной Европы, которые на протяжении столетий тягались с турками за Средиземноморье. Черты его лица, действительно, отдавали чем-то каталонским. Фамилия его была Сбутега, и, вероятно, – сам этого он уже не знал, – он оказался последним отпрыском могущественного бокезского рода, вхожего в венецианский сенат, владевшего десятками кораблей и в торговых делах вкупе с прочими обитателями залива составлявшего конкуренцию великопному Дубровнику.

Его старая мать прожила всю жизнь в том горном селении, где расположена старинная церковь св. Ильи, и покуда она была жива, Антоне ежедневно ходил к ней по горной непроезжей дороге, до того

искусно выложенной из камня, что, ступая на неё, я подолгу любовался хитроумием кладки и терпению её строителей.

Как человек современный, я не устаю поражаться достижениям прошлого. Упомянутая дорога изумляет меня куда больше собственного мобильного телефона, и я подозреваю, что, когда цивилизация взлетит ещё выше, наши потомки будут испытывать восторг от какого-нибудь компьютера.

Антоне проводил на горе довольно много времени, совершая множество полезных дел. То, прихватив бензиновую пилу, он очищал от поросли тропу в горное селение, ведущую туда от нашего проулка, то восстанавливал местами обвалившиеся каменные стенки, укрепляющие террасы, поросшие маслинами, то заготавливал дрова, то собирал дикорастущие гранаты или каштаны в роще необычайного возраста, через которую в горное селение проложена главная дорога. Понятно, что при таком образе жизни осёл в качестве помощника его дел был ему просто необходим.

В силу одного этого Антоне можно было смело назвать хозяином горы, которая высилась за нашими домами.

Кроме дома на самом берегу залива Антоне остался и дом в горном селении, который он поддерживал по мере сил. Под рукой я узнал, что несколько участков, прилегающих к его постоянному жилищу, тоже принадлежат ему, а это значило, что потенциально он был чрезвычайно богатым человеком. Когда в середине первого десятилетия наступившего тысячелетия в Боке начался туристический бум, он продал один из

этих участков, однако образ жизни его ничуть не изменился. По-прежнему он носил рваную майку, выращивал помидоры и доил коз. Любимое его слово было «работа». Он брался за любую.

Рядом с его домом, покрашенным в жёлтую краску, какой-то нувориш из России возвёл гостиницу «Castello di Воса», но, поскольку она тоже была выкрашена в жёлтый, так её и называли – жёлтая гостиница, и даже таксисты знали её исключительно под этим названием.

В сезон гостиницу наполняли организованные группы, и Антоне катал желающих на своей лодке, организовывал рыбалку, водил в горное селение, продавал козьё молоко по два евро за литр, виноград и киви, и вообще оказывал туристам множество мелких услуг, разумеется, не безвозмездно.

Вокруг росли особняки, подступали апартаменты, но Антоне невозмутимо вёл такую же жизнь, которой жили его предки, и, если бы не «парень с горы», который был старше летами, Антоне можно было бы считать последним представителем стремительно исчезающего уклада. В шутку он называл себя «цыганом». Этим словом местные девушки выражают своё отношение к таким вот несовременным парням, которые не летают по дороге на дорогих автомобилях с наклейками «Brazzers» на лобовом стекле и не просят живыми днями в модных кафе Котора и Тивата.

В доме, где не было женщины, стояла грязь земледельческой жизни. Антоне был общительным, вовсе не жадным, но мелочно-прижимистым, за копейкой порою не видел рубля, и мне до сих пор не до конца понятно, как уживаются эти качества.

Несмотря на всё это, он был самым свободным человеком, с которым меня сводила жизнь. И слава Богу, частенько думал я, что в этом мире ещё не проявили себя силы, которые могли хотя бы покуситься на его право жить как угодно ему, а не английским и российским яхтсменам.

Он водил дружбу с итальянцем Роберто, композитором, и, помня о своих романских корнях, упражнялся с ним в итальянском языке, как упражнялся в русском во время общения с постояльцами жёлтой гостиницы.

* * *

Как бы то ни было, к ослу и его крикам я привык и не обращал на них никакого внимания.

На всю Врдолу это был единственный представитель своего племени и он даже успел завоевать некоторую известность, попав в местные газеты.

Весной во Врдоле проводится праздник камелии. Праздник незатейлив: часам к одиннадцати утра у церкви Жён Мироносиц собираются коренные жители, но в большей степени туристы, и угощаются молодым вином и земными плодами, которые безвозмездно предоставляет община. Угощению предшествует совсем короткая официальная часть. В тот год для неё сняли кафе жёлтой гостиницы.

В стране, где на открытие ресторана приезжает министр, праздник камелии, представляющий собой обыкновенный фуршет, тянет на новость, о которой сообщает пресса. В «Castello di Воса» съехались должностные лица, сопровождаемые чинно одетыми супругами. В тот раз присутствовал и глава местной

полиции и молодой католический священник в чёрной сутане и розовой шапочке.

Именно в тот момент, когда некий чиновник произносил речь, бродивший поблизости осёл сунул морду в открытое окно, чем вызвал весёлый переполох. Кому-то из журналистов удалось сделать забавный снимок.

Между тем хозяин Якоба в это самое время сбивал ладони где-то на горе. Если мои ощущения находятся в согласии с разумом и реальностью, то именно там должна была обитать Бела Вила, и как-то я спросил о ней Антоне, но он только пожал плечами.

– А что это – бела вила? – удивился он. Будучи «романом» он и впрямь не был посвящён в славянскую мифологию. – Ты дом с белыми ставнями знаешь? – спросил он. – Там, наверху. Англичане его купили, будут делать гостиницу. У них надо спросить.

И действительно, однажды я уже видел, как два лошака не спеша поднимали вверх мешки с песком и строительными смесями. Разумеется, принимал в этом участие и ослик Якоб – за известное, точнее, неизвестное вознаграждение его хозяину.

* * *

Для прогулок по горам я привёз во Врдолу специальные ботинки «Olang» чешского производства, незадолго до того побывавшие на Памире. Видя меня в них, Антоне неизменно выражал восхищение их качеством, и я прекрасно его понимал. Я охотно подарил бы ему такие же, купив где-нибудь в Москве, но с обувью не угадаешь.

– В таких и до крепости дойдёшь, – заметил он, не сводя глаз с моей обуви.

Он имел в виду ту австрийскую крепость, которая господствует над заливом.

Как нарочно, это слышал оказавшийся поблизости отец тех самых милых детей, которые сказали «привет» соседской овчарке Блонди и с которым однажды мы уже взобрались к разрушенной церкви Иоанна Предтечи. Австрийская крепость стояла на этом же склоне, но чуть правее и намного выше, и Юра – так звали любителя горных походов – покорив Крестителя, давно мечтал туда забраться.

Сказать по правде, прогулка манила своей прелестью: низкие звёзды, виды, костерок из сучьев, несколько слов, которые, как тяжёлые капли, упадут в темноту...

Мой опыт подсказывал, что даже выйдя на рассвете, до темна мы не обернёмся, так что надо было готовиться к ночёвке.

Антоне, стоявший тут же, превратился в слух, ловя все подробности нашего разговора.

Я предложил отправиться с рюкзаками, как привык за долгие годы предыдущих странствий, только совсем в других горах, но Антоне уже почуял возможность заработка и твёрдо решил её не упустить. На осла предполагалось нагрузить палатку, снесь и прочие вещи, самим же идти налегке. Юра тоже стоял за этот вариант, а мне, по большому счёту, было всё равно.

Посредством подзорной трубы с моей террасы мы с Юрой изучили особенности маршрута. Сложного как будто ничего не было.

Конечно, невозможно себе представить, чтобы со стороны Рисана к крепости не вела какая-либо, пусть

даже заброшенная дорога, годная только для гужевого транспорта. Если бы мы задались целью её отыскать, путь наш неизмеримо бы облегчился и, скорее всего, услуги ослика Якоба не потребовались, но Юра именно хотел «ломиться» в лоб.

Ещё даже не убедившись до конца в нашей решимости, Антоне моментально нанял камион, куда в назначенное время по досчатому трапу ввели нашего четвероного шерпа и внесли поклажу, и за известную плату грузовик доставил нас к той точке, с которой мы планировали стартовать.

Не уверен, что эта деталь столь уж важна, но в стоимость проезда была заложена и пятёрка Антоне.

* * *

Когда осень в заливе стоит ясная и недождливая, то впору придумывать ещё одно время года – хотя бы для этих мест. Деревья зажигаются и горят неугасимыми кострами, а цветущие растения и сами цветы, напротив, прут в рост. Кроны, невзрачные летом, охваченные магическим огнём, обретают такую красоту, а в ней такое достоинство, что чувствуешь себя обманутым недотёпой. Я готов признать себя никудышним письменником, как величают в этих краях писателей, но свидетельствую здесь, что слово, в могущество которого мы свято верим, не имеет способности передать эти оттенки. Могу лишь сказать, что природа озаряется всеми оттенками кармина. Это можно только увидеть и запечатлеть в памяти, либо сделать изображение, да и то далеко не каждый, в чьих руках окажется камера, будет в состоянии дать о них подлинное представление. А посему,

не трать напрасно времени, я по мере сил вернусь к своему рассказу.

Ослик Якоб неумоимо, мерно переставлял ноги, а вот нам приходилось хуже, и я уже не раскаивался, что согласился на услуги Антона. Справа над нами нависла дубовая роща, подёрнутая разноцветным тлением осени. Некоторое время мы размышляли, не ступить ли под её сень в надежде отыскать тропу покороче.

Когда препирания окончились, начались затруднения с Якобом. Он как будто раздумал шагать дальше, и – как бы выразиться помягче? – понукания Антоне не возымели никакого действия.

И когда мы крутились вокруг заупрямившегося ослика, тут-то мы и увидели *это*. В сплетении распластанных по склону веток кустарника лежал человеческий череп.

– Святая Дева! – воскликнул, отпрянув, Антоне и стал мелко креститься слева направо.

Юра встретил находку более сдержанно.

– Однако, – только и сказал он, а то, что сказал я, оскорбляет печать.

Ослик Якоб и ухом не повёл. Он своё дело сделал и предоставил с людскими проблемами разбираться самим людям.

Судя по останкам, человек этот пролежал здесь не менее трёх лет.

В конце концов разобрались мы так: в наглухо застёгнутом изолированном кармане истлевшей куртки обнаружился австрийский паспорт на имя Якоба Эренталя, восхождение было отложено, и, забрав документ, мы поспешили вниз.

Ослик Якоб был пущен пастись, мы же отправились в полицию.

Скоро из парка «Ловчен» прибыли высокие плечистые скалолазы и спустили бранные останки, а другие компетентные лица передали их в австрийское посольство. К месту находки скалолазов вёл Антоне, но вот заплатили ли ему на этот раз, я так и не узнал. Судя по его недовольному лицу, то была общественная повинность.

Экспертиза установила, что смерть эта не была насильственной.

* * *

Когда большой корабль причаливает под стенами Котора, это создаёт атмосферу праздника. Толпы пассажиров устремляются на твёрдую почву, заполняют кафе, суются в сувенирные лавки и производят невообразимую толчею, но это невинное неудобство приносит доход.

Не часто и не редко, однако регулярно, во время крутого подъема к крепости Сан Джованни, угнездившейся над Котором в отвесных скалах, некоторым пожилым экскурсантам с кораблей становилось плохо. Но это случалось на глазах других людей, и во время вызванной медицинской помощью порой оказывалась действенной. Трагедия – спутница жизни, и иногда её финал.

Конечно, круизный корабль обязан придерживаться расписания. Так поступил и тот, с которого сошёл Якоб, то есть судно отправилось дальше, а поисками пропавшего занялись местные власти. Делали они это добросовестно, искали над Котором, за-

глядывали в значные места, однако ни в одну голову не пришла мысль, что пожилому человеку для чего-то потребовалось в одиночку карабкаться по дикому склону туда, куда залетают только птицы.

* * *

В Граце, откуда был родом найденный нами человек, жила моя однокурсница, и благодаря ей я получил некоторые подробности. История эта наделала там немало шума.

Выяснилось следующее: в 1881 году австрийские власти повторили свою неудачную попытку лишить население залива и прилегающей к нему области Кривошия права владения оружием. Горцы Кривошии восстали. Во время одной из стычек с инсургентами Эренталь пропал без вести. Война закончилась поражением повстанцев у Драгальского блокауза. Среди пленных Эренталья не оказалось. Тела его, во всяком случае, тоже не нашли.

Однокурсница прислала мне сканированную фотографию, найденную в архиве Якоба и помещённую в одной из местных газет: у стены той самой крепости, которая для нас так и осталась недостижимой мечтой, стояла группа офицеров. Предок Якоба был отмечен кружком вокруг головы в кепи, но это было уже делом рук современных журналистов.

О самом Якобе стало известно, что он всю жизнь проработал банковским клерком. Якобом назвали его в память деда, исполнившего долг по защите интересов государства. Ровно ничего выдающего журналисты в жизни Якоба-внука не отыскивали: жил тихо, вышел на пенсию и однажды приобрёл путёвку, задумав

осмотреть все те земли, которыми когда-то в пределах Австрийской империи распоряжались его предки. Решение подняться к крепости, несмотря на имевшуюся фотографию, очевидно, было спонтанным, в противном случае он сделал бы это иначе, и уж не во время суточной стоянки круизного лайнера. Да и что такое горы для истинного австрийца? Во всяком случае, не препятствие.

Получалось, что внук встретил смерть в том же самом месте, где она застала его деда.

* * *

Ослик Якоб здравствует и по-прежнему ревёт по утрам. Но я признаю его право и просто кладу подушку на ухо. Думаю, будь я осликом, я орал бы ещё ужасней. Куда хуже звуки расплотившихся строек, хотя некая Наташа, которой, как оказалось, Антоне продал клочок своей горы и на котором она уже возвела себе особнячок, постоянно с ним ругается, полагая, что Антоне умышленно подгоняет Якоба к её окнам. Антоне же, по-прежнему нахваливая мои ботинки, когда видит меня в них, горько жалуется на Наташу, искренне не понимая, чем вызвано её недовольство. Себя он как и прежде обзывает «цыганом», а это напрочь исключает межполовые мотивы Наташиного поведения. К тому же, признался мне он, неблагодарность её ранит ему душу, ведь при продаже участка он скинул от первоначальной цены десять тысяч евро.

– Сколько? – переспросил я тоном ослика Якоба. Муж Наташи трудился на сколковской ниве.

Антоне Сбутега удручённо покачал головой, в глазах его плеснулась грусть, как волна залива. (подтверждая сказанное самым печальным образом)

– Такой уж у меня характер, – признался он. – Доброта не одного сгубила.

* * *

Да, и вот о чём ещё стоит упомянуть. Местная пресса не уделила должного внимания всей этой истории, зато представила очередной праздник камелии во Врдоле культурным событием по меньшей мере общеполканского значения. Ослик Якоб, по счастью, в это время был занят тем, что тягал англичанам половую плитку, и кто-то даже с облегчением отметил, что на этот раз дерзкое животное не посмело сорвать мероприятие, устроенное хорошими людьми на всеобщее благо. К слову, и в Герцог-Нови справляют похожий праздник, только не камелии, а мимозы, когда она зацветает в феврале. Праздничный размах там совсем иной и с чувством юмора получше – ведь это город интеллигентов, где любил проводить время не кто иной, как сам Иво Андрич.

Но, конечно же, Антоне с Юрой я передал всё, что только узнал от однокурсницы.

– Да, – спохватился Антоне. – Твоё вопрошанье было, что значит Бела Вила. Бела Вила – это дева судьбы. Когда рождается ребёнок, являются вилы, нарекают ему имя и назначают судьбу. Мне же мать это рассказывала, и говорила даже, что видела их у своей постели. Ты тогда спросил, а я даже сказать ничего не смог. Забыл, да и всё тут. Как ветром выдуло... Всё

работа, работа, – и он показал мне свои руки, ободранные колючими ветвями, камнями и ветрами. Указательным пальцем он залез в дырку на своей нечистой майке и с иронией произнёс:

– Что говорить? Цыган!

«Работа работой, – подумал я, – а где же миллион свой закопал? Уж точно не в банке... Нарекают имя». Конечно, я просто не мог не вспомнить об Алексее Артамоновиче. История трёх Якобов верно бы послужила его теории слова.

– А ещё, я слышал, Бела Вила умеет открывать клады, – сказал я с улыбкой, и в глазах Антоне промелькнула обеспокоенность.

Тут подал голос Юра, до того погружённый в глубокую задумчивость.

– Да, это был порыв, – согласился он с нашим умозаключением. – Жизнь иногда преподносит сюрпризы...

«Знать бы ещё, что такое смерть», – хотел сказать я и уже открыл было рот, но тут где-то рядом взревел Якоб, и мы опять забыли о главном...

СТАРЫЙ МЛИН

В старом Которе не минуешь палаты Ломбарди. Памятная доска, размещённая на её почтенного возраста стене, сообщает, что в этом здании с 1804 по 1806 год располагалось российское консульство.

Километрах в девяти по берегу в Прчани есть дом, также отмеченный похожей доской. Надпись на ней гласит: *stari mlin za masline*. Очень скоро я надеюсь показать, какая связь имеется между этими двумя

точками, однако прежде обязан сделать небольшое отступление.

В сербо-хорватском языке слово «*za*» настолько многозначно, что не трудно впасть в соблазн понять вышеприведённые слова в том смысле, что речь идёт о старой мельнице, расположенной за некой маслиной. Между тем, в данном случае «*za*» указывает на вид мельницы, а именно на то, что мельница эта – масличная, то есть предназначенная для выжимки оливкового масла.

И если памятной доске на палате Ломбарди в силу известных политических обстоятельств грозит скорое исчезновение, то вывеске в Прчани ничто подобное отнюдь не угрожает, ведь как указывают цифры, вытесанные над низким входом, дом был построен в 1650 году, а с тех пор Бока переживала такие катаклизмы, в сравнении с которыми нынешний покажется баловством.

Выше я сказал «*вывеске*», ибо старый млин сменил своё назначение: теперь и уже с довольно давних пор это антикварная лавка. Ассортимент её обычен для такого рода заведений: тут и старые корабельные приборы, и латунные кувшины, надвратные фонари, посуда на любой вкус, часы, портсигары, монеты, воинские награды, книги, пистолы, револьверы, восточные кинжалы, несколько образчиков холодного оружия европейцев и, конечно же, турецкие ятаганы. По стенам развешаны изображения в рамках – из тех, где главной ценностью являются как раз последние.

Мне приглянулась мельхиоровая тарелочка сантиметров десять в диаметре, обвод которой украша-

ли две целующиеся змейки, да и неловко было уходить без покупки. Змейки обошлись в сущие пустяки, однако когда я показал своё приобретение Антоне, тот покачал головой и сказал: «скупое», сиречь дорого. О сердцещипательной скаредности Антоне уже упоминалось: любая цена исторгала из него слово «скупое», и только те цены, которые устанавливал он сам, не казались ему слишком высокими. Читатель, верно, обратил внимание, что буквы на вывеске выведены латинские, это и неудивительно, потому что старый млин на протяжении столетий являлся собственностью семьи Lazzari. Хотя люди эти и были «романами», подобно самому Антоне, он рассказал мне, чем в результате обернулось дело многих поколений и, мне показалось, отозвался об этом не слишком снисходительно.

* * *

Старик Меле, нынешний владелец антикварной лавки, происходил из семьи черногорских потурченцев, то есть был мусульманином. Но в единой Югославии все вероисповедания таились под спудом социализма, если вообще не считались почти изжитым пережитком. К сожалению, время показало, что это не так, но до этого было ещё далеко.

Словом, Меле из Бара посватался к Агице из прчанских Lazzari. По традиции, жители Прчани, за редкими исключениями, потомственные моряки. Некогда именно им Венеция предоставила исключительное право возить республиканскую почту. И единственная дочь капитана Марко сделалась женой Меле из Бара. Ей-то как раз и принадлежала мысль заняться торговлей старинными вещами, ибо её отец из сво-

их плаваний привозил множество заморских диковинок, и за годы их скопилось такое количество, что никто не знал, что с ними делать. Меле пережил свою супругу, но похоронил её по мусульманскому обряду. Все десять детей, которых она ему родила, тоже считались мусульманами.

К дому в незапамятные времена была пристроена католическая домовая церковь с алтарём, освящённым в честь Антония Падуанского, и по словам Антоне, Меле после разлуки с женой Агицей много средств потратил на её реставрацию. По первому впечатлению, всё это казалось странным, однако странного ведь ничего не было: будучи мусульманином, старик самым естественным образом заботился о молебне и другой линии предков, чья кровь текла в жилах его многочисленного потомства. В кого и как верил он сам, мне так и не открылось. Словом, всё смешалось в доме Lazzari.

* * *

Первый взгляд во внутренность антикварной лавки видит только кучу хлама, никчёмного старья: предметы как бы сливаются в нечто однородное. Но стоит выдернуть какой-нибудь из этой кучи малы, как он обретает такую яркую индивидуальность, будто вот только сейчас явился на свет.

Именно так и вышло с моей тарелочкой. Даже поставленная на стол произвольно, вещь эта уже создавала атмосферу, которая радовала глаз. Назначение её было многоцелевым: сюда можно было или положить варенья, или насыпать фисташковых орехов, или, на худой конец, обратить её в пепельницу, на что

я всё же не решился, временно поставив на неё коробочку кардиомагнитофона.

Как-то я возвращался на машине из Котора и на повороте у больницы мне попался согбенный старик с поднятой рукой. Час был поздний. Нам явно было по пути, ибо дорога здесь одна.

Взявшись его подвезти, я вёл машину с особенным вниманием, каждую секунду ожидая знака остановиться. Но вот мы уже проехали Богородичный храм, и магазинчик «Дадо», и показался санаторий «Врмац», а попутчик сидел спокойно. Я уже подумал, что он живёт где-то во Врдоле подальше моего проулка, но тут он, наконец, указал на старый млин «za masline». Это оказалось его жилищем, а сам он и был Меле.

Тронутый моим неравнодушием, Меле пригласил меня на кофе, и я, приняв в соображение соблазнительную специфику его обиталища, не нашёл причин отказаться.

Не знаю, как обстоят дела в других краях, но у балканских мусульман, да и не только у них, питьё кофе таит в себе некоторые сакральные черты, иными словами, носит символический характер. Кофе сопровождает заключение всякого договора, и в том случае, если кофе выпит и чашки пусты, то назад дороги нет, и кто осмелится её искать, тот обречёт позору себя и свою породу. Но чаще всего церемония эта – всего лишь дань уважения и повод к приятному общению.

* * *

Любезное приглашение Меле дало мне хороший повод получше разглядеть собранные у него пред-

меты, на которые в первый мой приход взглянул по большей части мельком.

Только сейчас я заметил заставленный всякой всячиной и самый млин: он представлял собой круглую каменную чашу-колодец, в которой утопал каменный жернов, приводимый в движение вращением горизонтально укрепленного над ним колеса.

В углу одна на другой лежали военные каски: самая нижняя была австрийская, на ней каска периода королевства, потом каска вермахта и, наконец, югославской армии. Эти потерявшие своё время предметы столь наглядно демонстрировали быстротечность эпох, что только сейчас и поверилось, что и это, действительно, прошло. Не проходит это только в наших головах.

Внимание моё привлёк и стеллаж, тесно уставленный книгами. Главным образом, разноформатные книги были на немецком языке – всё больше австрийские энциклопедии; попадались фолианты настолько потрёпанные, что надпись на корешке невозможно было разобрать. На мой вопрос, найдутся ли в его библиотеке хоть какие-то книги на русском, Меле с огорчением ответил, что, скорее всего, нет. Зато, сняв её с какого-то крюка, показал мне будёновку. Повертев в руках этот головной убор, я без труда определил его примерный возраст и арбатское происхождение, но Меле расстраивать не стал. Не стал и спрашивать, как она к нему попала. В конце концов, какое мне дело до немецкого туриста, которому она достанется и который появится в ней на «Октоберфесте»? Не думаю, что репутация Меле, владельца столько аутентичных сокровищ, сильно от этого пострадает.

Повесив будёновку на место, я вернулся к книгам и обнаружил стопку каких-то изданий в мягких переплётках. Меле объяснил мне, что эти книги недавно списали из библиотеки Котора, а он их забрал, иначе они бы пропали. Толком он и сам их ещё не перебрал. Я осторожно листал ветхие страницы, и внезапно взгляд мой упал на русский шрифт. Книга была напечатана по старой орфографии, но где и когда, узнать уже было невозможно по причине отсутствия доброй её половины включая саму обложку, фронтиспис и титульный лист. И страница, которой теперь начиналась книга, открывалась словами: «Консул наш г-н Санковский в наступивших обстоятельствах полагал...» Стоит ли говорить, что любопытство побудило меня просить Меле уступить мне этот букинистический раритет. Я настаивал, чтобы старик назначил цену, но он и слышать об этом не хотел и даже замахал на меня руками, точно рассерженный джинн.

Ничего не оставалось делать, как принять дар. «С сегодняшнего дня да будет твой кофе выпиваться только к добру и на радость», – этим обычным приловьем только и мог я выразить свою благодарность.

* * *

Вернувшись домой с добычей, я улёгся на кровать и принялся изучать то, что осталось от целого. Было уже понятно, что книга рассказывает о событиях самого начала девятнадцатого века.

В шестом году с Балтики на Корфу прибыл адмирал Сенявина, в задачи которого входила защита Ионических островов и Греции от возможного

вторжения Бонапарта. Как раз в эти дни готовилась передача Боки от австрийцев французам. Бокезцы, прознав о прибытии адмирала и не желая отдаваться под французскую власть, послали к нему гонцов на своих быстроходных требоках. Адмирал Красного флага не долго думая вошёл с флотом в залив и поднял на крепостях свои стяги.

Французы остались недовольны и лезли в залив со стороны Дубровника, наши, в свою очередь, в союзе с бокезцами и черногорцами лезли к Дубровнику со стороны Кастельнуово, как называли тогда Герцог-Нови. И тут пошла потеха. После одного из сражений выяснилось, что черногорцы пленных не берут, предпочитая попросту отрезать им головы. Так они поступили даже с захваченным генералом Дельгогом. Маршал Мармон, командовавший здесь французскими силами, отправил к адмиралу парламентёров. Дмитрий Николаевич был человек просвещённый, читал «Times», а посему объявил черногорским союзникам, что будет платить по червонцу за каждого пленного, приведённого живым. Допускаю, что некоторые из этих пленных не стоили и червонца, зато сам червонец стоил тогда очень много, и мало-помалу военные действия вошли в цивилизованное русло.

Потом некстати открылась война с турками и адмирал Сенявин с большей частью кораблей ушёл к Афону. Оставленные им в заливе капитан-командор Баратынский и начальник одного из егерских полков генерал-майор Пушкин вполне удерживали Боку, но по условиям Тильзитского договора получили повеление её оставить. Далмация Наполеону требовалась вся, без заплаток.

Мелькало в этой забытой эпопее и имя того самого генерала Лористона, который шесть лет спустя прибыл в Тарутинский лагерь просить мира.

В основных чертах всё это мне было известно, однако в тексте порой встречались любопытные подробности, которые я считаю нелишним привести дословно. Например, такие: «Уже тогда у митрополита Черногорского Петра I Петровича Негоша вызревал план о передаче всех народов того края, греческую веру исповедующих, в подданство российского императора. С изложением сего плана готовился выехать в Россию архимандрит Симеон Ивкович, снабженный двумя посланиями как к самому Государю, так и рекомендательными письмами к министру иностранных дел князю Адаму Чарторыйскому. Предполагалось, что по низложению всемирного врага (Наполеона) соединить воедино провинции: Черногорскую, с присовокуплением к ней трех городов албанских Подгорицы, Спужа и Жабляка, Боку ди Катарро, Герцеговину, Рагузу и Далмацию, соединение сие утвердить на вечные времена одним общим наименованием сих областей Славено-сербского царства с присоединением титула Славено-сербского царя к августейшему титулу Императора Всероссийского. Для управления же сим царством назначить президента из природных россиян. Общее желание народа было такое, чтобы вице-президентом и товарищем управляющего наименовать черногорского митрополита и по примеру митрополита карловицкаго, что в Венгрии, украсить его титулом князя Российского и чином действительного тайного советника. Столицей сего царства и местопребыванием президента и

его товарища назначить Рагузу, яко средоточие пяти областей. В митрополии Славено-сербского царства под нынешним митрополитом поставить трех архиереев: в Далмации в городе Заре, в Герцеговине в городе Требинье и третьего в Катарро, который будет наместником митрополита. В сих трех городах учинить по семинарии или школе. Словом, народы сии желали сохранить на вечные времена свою веру и вольность под покровительством Российского престола.

Как ныне уже известно, по тогдашним условиям этого не могло случиться, что и подтверждают слова императора Александра, который писал своему министру: «Так как обстоятельства не позволяют еще заняться устройством этого края, то я по предмету сему заготовил ответное от себя письмо к черногорскому митрополиту», очевидно, отвергавшее обширные проекты владыки.

В стихах «Освобождение Европы» Карамзин пишет, что у царя должно быть войско и оружие для того, чтобы защищать от внутренних и внешних врагов то, что Бог ему доверил. Но царь не смеет никогда желать чужих земель, чужих областей, ибо царь живет не для войны, а он защитник мира. И не знаменательно ли, что сей незабвенный Государь в 1816 году высказался за всеобщее разоружение?»

Вторично черногорцы и бокезцы обратились с подобной просьбой в 1814 году по низвержении Наполеона. Но и на этот раз император Александр отклонил их желание. Сложно сказать, из каких именно соображений. Странный был человек: к его услугам имелась «блистательная Таврида», а он довольствовался Таганрогом.

Однажды около полудня над бухтой низко пролетели два военных вертолёта. Я в это время возвращался из магазинчика «Дадо» и заболтался с Юрой, который стоял на балконе своего дома.

– Раньше были просто черногорские, – с печалью в голосе сказал он, – а теперь натовские.

Юра был патриот, хотя и проводил жизнь вдали от родины. Образование у него было высшее техническое, однако довольно широкий кругозор вполне позволял ему уяснить суть событий, которым была посвящена неизвестная книга, подаренная мне Меле.

Прочитанное и поведанное мною произвело на него сильнейшее впечатление.

– Значит, – не уставал переспрашивать он, – всё это было нашим?

– Ну, какое-то время – да, – отвечал я, верный исторической правде. Те полтора года вошли в местную историю под названием «русска управа», и только победы Наполеона в Восточной Пруссии положили ей конец.

Кстати, стало понятно, почему консульство существовало только до 1806 года. В самом деле, зачем консульство в собственной провинции?

«Русска управа» – Юре это ложилось на душу. Теперь он поглядывал на соседей как на каких-то оккупантов или уже прямо как на подданных, – и то и другое было верно. Но неверно читали эти взгляды они. Ненад сказал мне, что по всеобщему мнению, Юра сильно взволнован недавним дерзким убийством вратаря местного футбольного клуба «Бокель». Но ведь вратарь, добавил Ненад, пал жертвой войны мафиозных кланов, связан-

ных с балканским наркотрафиком, чего нам, людям к этому непричастным, бояться абсолютно нечего.

Антоне тоже был не в восторге от вступления в НАТО. Черногорский телевизор говорил, что телевизор российский представляет Черногорию как самое опасное место на земле, и Антоне пребывал в невесёлых раздумьях, будут ли и англичане и всякие другие пить козье молоко и брать напрокат его потрёпанную лодку, если русские подарят свою неприхотливость каким-то другим краям? И это, действительно, был тот ещё вопрос.

Отныне наш замысел взобраться на крепость, сорванный вещим упрямством Якоба, в глазах Юры приобретал истинный, возвышенный смысл. Идея вновь осенить бухту Андреевским флагом настолько им овладела, что он попросил московских друзей заказать на измайловской барахолке Андреевский флаг размером три на четыре метра. «Мы им напомним!» – бормотал он в предвкушении своего торжества.

– Да ты спятил? – узнав об этом, возмутилась его жена. – За такую шутку нас отсюда выдворят! И куда мы денемся?

– Вернёмся домой, – в запальчивости ответил Юра.

– Можно в Крым, – заметил я невозмутимо. – Климат похожий. Гор полно. А на них – генуэзские крепости. Вот где флаги вешать. Кстати, Степан Андреевич Санковский, офис которого – назовём это так – располагался в палате Ломбарди, два года перед смертью был градоначальником Феодосии.

Юра сник. Судя по его кислой мине, ни становиться крымским колонистом, ни осваивать дальнево-сточный гектар охоты у него не было.

– Нет, подумать только, такая была любовь и на тебе – НАТО.

– Сколько домов во Врдоле? – спросил я.

– Двести-то будет, – отозвался несколько сбитый с толку Юра, обратив к жене вопросительный взгляд.

– А сколько из них принадлежит русским?

– Вроде, сорок.

– А сколько в заливе таких Врдол? Ну, вот мы их и завоевали, – подмигнул я хозяйке. – А будет ещё больше... Впрочем, – поправил я сам себя, – «завоевали» – слово неуместное. Лучше скажем так: просто мы опять вместе. Нас тоже в очередной раз завоевали, так что уж притулимся где-нибудь здесь... Как-никак, братья славяне... Друзья! – торжественно возгласил я. – Народы опять пришли в движение, и великое переселение началось вновь, и если некогда российские орлы и впрямь облетели орлов римских, то в данном случае участь означенных орлов будет одинаково незавидна.

Но Юра не внял моему дурачеству и причитания о поруганной любви продолжились.

– Да любовь никуда не делась, – сказал я. – Но даже и в любви каждый хочет оставаться самим собой.

Тогда как моя речь отдавала делано весёлым шутством, Юра воспарил.

– В любви надо сливаться, – поэтично произнёс он.

– Дождёшься от тебя этого слияния, – не смущаясь моим присутствием, ляпнула его жена.

Прозвучали и некоторые другие слова, ясно показавшие, что назревает семейная сцена. К счастью, дети были ещё в школе, и я подумал, что только андрогинность, только она, в том числе и политическая, чаемая Алексеем Артамоновичем, спасёт нас от всего

этого. Но вот какие вызовы она предложит взамен – даже думать об этом было страшно.

Тут я очень кстати поперхнулся сушёным инжиром, которым меня угощали, и откашливался долго и мучительно, так что обеспокоенные супруги стучали меня по спине, пытались влить в меня воду, и когда приступ утих, на радостях решили не ссориться. По крайней мере, не сейчас.

– Что ни говори, – сказал Юра, – а забраться туда надо.

– Только без флага, – поставил я условие.

– Да уж, – сдался он и добавил через пару секунд раздумий, скорее всего, посвящённых трём Якобам. – Если опять, конечно, чего-нибудь не произойдёт.

Но, как известно, что-то неизменно происходит, и последовательность событий определяет... Тут мысль моя запнулась и я уже не в первый раз изловил себя на том, что не уверен, как утвердить её понадёжней.

А Алексей Артамонович, как назло, был в эти дни на конференции в Кракове, которую проводил Ягеллонский университет.

ИВАНКА

Было дело, я обещал посвятить несколько страниц Иванке – владелице кафе «Среча» во Врдоле. Такова моя натура, что обещания свои я стараюсь выполнять, или хотя бы прилагаю к этому усилия. Говорю я об этом отнюдь не в похвалу себе, потому что твёрдо уверен в генетическом происхождении как человеческих достоинств, так и их недостатков.

В Москве бывает сложно сосредоточиться. В тот год меня пригласили стать членом жюри одного фестиваля документальных фильмов. Пришлось пересмотреть несколько десятков картин: тут были истории про таёжных охотников, про сельскую школу, где учится всего один ученик, про кукушку, про заброшенный поморский маяк, – всего не упомянешь. И с печалью я осознал, что мы совсем не знаем своей страны, не знаем себя, а то что удаётся узнать, тут же разветвляется всё новыми загадками, и конца этому не видно.

В конкурсе к моему удовольствию участвовала и лента о летнем отдыхе в Будве, давно уже превратившейся в какой-то клон Анапы. Операторская работа была выше всяких похвал, и я любовался знакомыми местами, поражаясь, как по-разному видят люди, казалось бы, одно и то же, а вот фильм в целом вызвал во мне неприятные чувства. Его герои-старшеклассники излишне выпячивали своё благополучие как бы в ущерб миллионам российских детей, никогда не видевших моря. Такое ли уж это страшное упущение, решить не берусь. Наверное, всё-таки да.

Кроме того, Врдола до такой степени втянула меня в садоводство, что я напрочь забыл о человеческой душе. Так что я вынужден извиниться за эту задержку перед теми читателями, которые следят за моими записками.

Когда я улетал из Москвы, мокрый снег засыпал улицы, и вереницы оранжевых машин как проклятые днём и ночью ползали по простылым улицам. Алексея Артамоновича надо было ждать только через две недели, о чём он уведомил меня электронным письмом, присовокупив, что в результате усиленных штудий ему

открылось, что у Гомера слово «честь» всегда означает долю добычи. Что в славянских языках, уж в сербском-то точно, «а» могло переходить в «е», в этом он опирался на корифея отечественной лингвистики Лавровского. Но «часть» в сербском означает «честь», а вот для обозначения доли, удела используются слова «део, удео». Не значит ли это, задавался вопросом Алексей Артамонович, что в совершенно уж незапамятной древности «делать» значило прежде всего «делить»? Впрочем, дальнейшие выводы моего научного корреспондента слишком далеко увели бы нас в сторону.

Совершив несложные действия по приведению дома в жилой вид, а проще говоря, подав воду и электричество, и наскоро разобрав вещи, я отправился пройтись знакомыми местами в надежде перекинуться словом с кем-нибудь из знакомых, а там... В общем, во Врдоле не заскучаешь.

Незаметно для себя я поравнялся с кафе «Среча» и сбавил шаг в раздумье, остаться здесь или пошагать ещё немного, но вдруг, бросив взгляд на входную дверь, как говорится, остолбенел. Никакой «Сречи» больше не было. Над дверью красовалась новая вывеска, и вместо одного слова написано на ней теперь было два, а именно: «Бела Вила».

* * *

В растерянной задумчивости я стоял на дороге и таранился на вывеску, перебирая все возможности, способные к привести к тому, что я сейчас видел, вспомнил, конечно, и тот шуточный совет, который дал Иванке после встречи со странной женщиной в белом.

Под бежевыми маркизами стоят несколько столиков, за которыми по незапамятному обычаю проводят свои утра местные мужчины, – я имею в виду тех из них, которые живут неподалёку. А неподалёку, исходя из местных расстояний, значит в шаговой доступности. Впрочем, некоторые предпочитают собственные молы или набережную, как, например, в Муо, где под развесистыми пальмами не переводятся тяжёлые бутылки с пивом «Никшичко». На мой вкус оно так же тяжело, как и тара, в которое разлито, но ему отдают предпочтение перед всеми прочими сортами, что, наверное, естественно для людей, живущих в более или менее нормальных общественных союзах.

Мужчины, сидевшие в то утро у Иванки, оценили моё недоумение. Некоторые были мне знакомы и пригласили присесть. Одного из них звали Радко, в жёлтом рабочем комбинезоне он потягивал из горлышка пиво, донельзя довольный тем, что накалившееся уже солнце не достигает его в надёжной тени слинявшей маркизы. Радко был каменщиком, но вообще мастерил на все руки, и время работы выбирал сам, благо, она не переводилась.

– Криминал ништа? – спросил я с упавшим сердцем.

Радко усмехнулся, переглянувшись с неизвестным мне мужчиной. И с лукавой улыбкой кивком лохматой головы предложил мне заглянуть внутрь, что я и сделал не без любопытства, но и не без опаски.

* * *

Внешне ничего не изменилось, если не считать пары новых стульев. Стойка с напитками пестрела привычным разноцветьем бутылок и банок, но тут

со стены на меня глянула Иванка, да в таком обличье, что я потерял дар речи. Эта была не та Иванка в сетчатых чулках, это была дама, чей муж ведёт обширную торговлю с Левантом, а то – бери выше – бьётся, не щадя живота, с турками у Кастельнуово, обвязав запястье той руки, которая разит неверных, платком из китайского шёлка, – волшебным талисманом, подаренным любимой на удачу.

Над так называемым новым Богородичным храмом, метрах в двухстах выше прозябает старый. Двор его сплошь устлан могильными плитами и, попадая туда, ступаешь буквально по останкам. В большинстве из них зияют дыры, проделанные грабителями, и своим безобразием они живо напоминают отверстия, которые красный долгоносик оставляет на стволах несчастных пальм. Многие надгробия украшены рыцарскими шлемами, увитыми каменными лентами с латинскими девизами. Сейчас уже сложно сказать, были ли то местные выскочки, а вполне возможно, что и пилигримы, настоящие потомки лангобардов, нашедшие на этой горе своё последнее пристанище. На нескольких крышках имелись барельефы, представлявшие усопших в полный рост, облачёнными по моде начала восемнадцатого столетия, с кольцами на пальцах скрещённых рук, с палашами у пояса, снабжёнными витыми эфесами – в таком виде, вероятно, они и покоились под своими дырявыми крышками, в истлевшей одежде, только уже без своего оружия и украшений, ставших добычей бессовестных грабителей.

На доме Иванки, хотя и довольно старой постройке, первый этаж которого занимало кафе, а второй

служил жильём, никакого герба не было, так что едва ли она могла похвалиться знатным происхождением. Тут художник явно ей польстил, но эта слабость была ничто в сравнении с силой таланта, которая позволила ему так глубоко заглянуть в её душу.

Словом, мне стало ясно, что за время моего отсутствия здесь разыгрались какие-то драматические события: говорю «драматические», потому что, честное слово, хватит с нас трагедий.

Я всё ещё не сводил взгляд с портрета, когда из подсобки показалась Иванка. Меня обдало новой волной удивления: на ней была надета светлая кофточка от «Ивко», строгие тёмно-синие брюки капри и итальянские балетки «Paradiso». Сейчас она была похожа не на прирождённую бокезку, а на европейскую туристку. В тех обстоятельствах, о которых я рассказываю, такой наряд был подобен смене строя в Северной Корее. Иванка посмотрела на меня таким торжествующим взглядом, что я с досадой потёр подбородок, чисто выбритый по случаю приезда. Но, что делает честь её пронизательности, выражение моего лица она считала верно.

– Что будешь, друг? – спросила она, не переставая улыбаться. – Добро дошли!

– «Оленёнка», – сказал я. – А лучше трёх. «Jelen» – так называлось пиво, которое мне нравилось. У Радко я намеревался что-нибудь выпытать и чувствовал, что разговор может затянуться. Иванка чинно поставила было пиво на поднос, готовясь свершить свои обязанности, но я, ещё раз глянув на портрет, мягко приостановил её действия и заказ унёс сам.

* * *

Историю Иванки до тех дней можно было назвать простой и трагичной. Её отец, потомственный моряк, «загинул» в море, оставив её с братом на руках у матери, которой, собственно, и принадлежала популярная забегаловка. Скоро у матери случилась опухоль мозга, и она умерла.

Иванка хотела учиться на врача, но брат её ещё посещал школу, да вдобавок учился на трубе, состоя членом детского оркестра в Которе, и ради него Иванке пришлось взять семейное дело в свои руки.

Несмотря на то, что её кафе называлось «Среча», Иванку считали «несреченой», взбалмошной, что было отчасти справедливо, а то прилагали к ней злое «несречна», что было верно только в том случае, если переводить это слово не как «несчастливая», а как «незадачливая».

Если бы название кафе родилось в её голове, можно было бы понять это как заклинание, однако оно было дано в те времена, когда семья ещё не понесла никаких потерь. Счастье относительно, смотря по тому, как его понимать. Если видеть под ним полноценную жизнь, лишённую происшествий, то в этом случае действительно у Иванки были проблемы, но если, как некогда изумительно выразился Глеб Успенский, иметь в виду угол, в котором бы теплилось какое-нибудь родное чувство, всю жизнь дающее право чувствовать себя не чужим на земле, то оно находилось на её стороне. А когда припомнишь мнение о его скоротечности, непостоянстве, то вопрос представляется почти неразрешимым.

Я человек сторонний, и многие условности местной жизни навсегда останутся для меня прикровенными, тем не менее, мне всегда казалось, что Иванка – одна из самых завидных невест на побережье, и тот факт, что женихи не осаждали её крепость, а минутными поклонниками выступали хлебнувшие лишнего посетители, приводило меня в недоумение.

Иванка была бойкой, по-житейски смышлёной и отзывчивой девушкой, но вот своей внешности с каким-то упрямством придавала вульгарности. Тот, кто слышал о моей нашумевшей истории с камелией, возможно, припомнит, что символами упомянутого качества, главным образом, выступала заколка в виде слова «love» и розовые угги, но в последнем я совсем не уверен и добавляю ради красного словца.

Страсть её к сомнительным предметам туалета некоторое время и для меня оставалось загадкой, которую я склонен был решать известной провинциальностью Врдолы, но скоро сообразил, что вульгарность нарочита и не имеет ничего общего с её натурой, а является криком души вызовом обстоятельствам, трогательным призывом, сигналом «sos».

* * *

Когда я вышел из помещения, Радко с нетерпеливым ожиданием обратил ко мне своё всегда красное лицо – следствие слияния загара и алкоголя, тот самый синтез, третий путь, антипод бинарным оппозициям, за которым Алексей Артамонович усматривал будущее. Я уселся лицом к морю, молча сделал несколько глотков и сказал:

– Дорогой Радко, я очень рад тебя видеть и готов выслушать несколько слов, если ты хочешь что-то сказать и располагаешь временем.

– Время, – заверил Радко, – есть.

Во Врдоле уже довольно много домов скуплены русскими, и на Новый год к одному из них приехал погостить друг, художник из Петербурга. Как-то они зашли в «Сречу», и судьба показала всем, кто был способен видеть, что она не простая выдумка досужих и мистических умов.

Миновали все сроки, а художник всё не уезжал. Каждое утро он отправлялся на автобусе в цветочный киоск в Шкаляри и привозил в «Сречу» букеты роз, чем все немало потешались, потому что розы растут здесь в каждом дворе и «Среча» буквально утопает в них.

Спиртного он почти не пил, так что ему пришлось литрами поглощать кофе, и, как свидетельствовал Радко, художник уделял созерцанию своего предмета куда больше времени, чем то делал Милош ради Ирины Николаевны, свершая это куда более благопристойно и даже благоговейно. Именно этого слова Радко не употребил, но я смело добавляю его, ибо теперь отлично представляю себе, как развивались события, и даже в таких подробностях, которые предпочту оставить вне этого повествования.

В конце концов он взял её своим искусством: она согласилась позировать ему в платье из зелёного панбархата, которое ему правдами и неправдами удалось взять напрокат в Тиватском театре.

Когда Радко дошёл до этого места, я подумал, что этот художник – решительный парень и почувствовал к нему заочную симпатию.

Пока длилась работа, «Среча» терпеливо стояла закрытой. В пустом кафе Иванка, позируя, часами просиживала на стуле, и о чём она думала в это время, Бог весть. Однажды исчезла вывеска, и все подумали, что настало то время, о котором столько твердила хозяйка: Иванка уезжает в Белград.

И она действительно туда поехала, только вместе с художником. Они вернулись в феврале, и Иванка опять открыла своё кафе, но уже под новым названием. Подруги наводнили заведение и на разные лады выражали свои восторги, а одной из них даже удалось сподвигнуть художника сотворить что-то подобное и с ней. Он сделал это, но к бутафории больше не прибегал, а просто написал современную девушку, схватив главное немногими уверенными мазками, и работа настолько удалась, что в обиде она не осталась.

– Девочка мала – песня мога града, – многозначительно подмигнув мне, затянул Радко старый хит Джордже Марьяновича.

– А где он сейчас? – спросил я.

– Да вон, – мотнул Радко головой в сторону берега.

* * *

Бухта, или, залив, или, как его ещё называют, южный фьорд, – словом, Бока Которска наделена столь величественной красотой, что передать её целиком, одним холстом, задача невыполнимая, и это моё глубокое убеждение. Даже частями она не даётся даровитым художникам, но если сосредоточиться на совсем мелких деталях, успех возможен.

Ваза на столе с прильнувшим к ней солнцем, белый цветок олеандра, ветка вереска, лодка на синей воде, облака, клубящиеся над скальной вершиной, – да мало ли этих осколков жизни, этой смальты, из которой слагается общая картина. Ну, и конечно люди.

Познакомившись с его манерой, я убедился, что он это понимал.

Я приблизился и заглянул в мольберт через его плечо. Он едва обернулся и снова вернулся к работе.

– Позвольте взглянуть? – как можно учтивее попросил я разрешения.

– Сделайте одолжение, – в том же утончённом стиле разрешил он. Русским языком здесь уже давно никого не удивишь, и я весело подумал, что к столь изысканной речи просто катастрофически не достаёт Алексея Артамоновича с его непревзойдёнными оборотами.

Заметив, что я медлю удаляться, художник отложил кисти, отошёл от мольберта на несколько шагов и принялся оглядывать холст.

– Что скажете? – дружелюбно спросил он.

– Скажу, что вы сделали правильный выбор, – заметил я, что с моей стороны было, конечно, безрассудством, фамильярностью, бестактностью, – словом, форменным безобразием.

– Да, точка выгодная, однако... – заметив какую-то погрешность, он опять приблизился к мольберту и чуть не коснулся его носом.

– Я о вашем сердце, – поправил я его. Ждал я бури, негодования, армагеддона, но он как будто и не услышал.

– Это для школы в Прчани, – спокойно сообщил он. – Уж очень просили. Всё, всё понимаю, – как бы проникнув в мои мысли, высказанные уже выше, поспешно предупредил он все возможные возражения. – Но люди так хотят. А я не фанатик. Я думаю, каждый настоящий художник должен быть и ремесленником, когда того потребуют обстоятельства. А иначе это уже... Люди хотят. Что тут будешь делать? Между ремеслом и искусством лежит непреходимая грань. Но иногда она исчезает. Парадокс.

– Не совсем так, – возразил я. – Дело в том, что ремеслу не дано возвыситься до искусства, а вот искусство может снизойти до ремесла.

– Снизойти... – повторил он, и по интонации я понял, что оно ему не понравилось.

Это расположило меня к нему ещё больше.

– Ушёл свет, – заметил он с досадой, вытер руки тряпкой, сложил мольберт, повесил его ремень на плечо и медленно побрёл по небольшому взгорку к домам. Я шёл рядом. Иванка, выйдя из внутренних кафе, сложив руки на груди, смотрела за нашим приближением.

– Знаете, почему я не съездил вам по лицу? – неожиданно спросил он.

– Ещё не поздно, – заметил я уже не очень приветливо, но кроме как на себя самого, злиться тут было не на кого.

– Потому что «Бела Вила» – ваша выдумка. Я сразу это понял, когда вы подошли, правда вот не знаю, как и почему... Так что ваше право. Зовут меня Андрей. Остальное вы знаете.

– Да все всё знают, – пробурчал я.

* * *

Этой чертовщины я себе долго не мог простить. Сидел у себя, как сыч, и клял «олёнёнка», свою оплошность, чуть было не обернувшись гадостью, и вообще всё, что только приходило на ум, вызывало во мне сплошное раздражение.

Но случился такой оборот, которого я уж никак не ожидал. В один прекрасный день они явились ко мне вместе.

– Здраво, – хмуро приветствовал я неожиданных гостей. Неизбытая вина ещё давала о себе знать.

Спиртного не было, я предложил своим гостям чёрный чай, который и по сей день редкость в Черногории. Иванке он не пришёлся по вкусу, чем мы очень позабавились, а сами выпили по две чашки. Чай был отменный, кенийский, специально привезённый мною из Москвы.

Расположившись на террасе, мы болтали обо всём на свете, и я с трудом успевал переводить. Петербург – город моряков, а это будет ей приятно. Мы рассказывали, что такое белые ночи, как разводят мосты над Невой. Благо, к нашим услугам был Интернет, и свои рассказы мы могли тут же иллюстрировать. Хотя возможно ли даже такими средствами передать прохладную прелесть этого города?

Поднялся небольшой ветер, и вода залива, однотонная при ровном солнце, пошла разноцветными полосами: синими, голубыми, фиолетовыми.

Не помню, как вышло, что я поинтересовался, где они купили принесённые ими конфеты. Оказалось, что в магазинчике «Дадо». Магазинчик этот размещался в том доме, где родился Иво Визин, первый из

югославян совершивший кругосветное путешествие на корабле «Сплендидо». Капитан провёл в плавании семь лет и отдал Богу душу спустя полтора года по возвращении в том самом доме, где и родился. Замысел этой жизни проступал столь выпукло, что эта простота цельности, или наоборот, цельность простоты, вызывали немного суеверное почтение. Иванка сказала, что Иво приходился её прадеду троюродным братом.

А я сказал, что форма облаков вопреки прогнозу не предвещает дождя, и все со мною согласились.

Этот вечер запомнился мне надолго.

* * *

В Хельсинки затевалась какая-то важная художественная выставка и Андрею по своим профессиональным причинам необходимо было присутствовать на открытии. Перед отъездом он сделал Иванке предложение. Если меня не подводит память, случилось это в день приезда Алексея Артамоновича.

Они условились так, что за ответом он приедет лично через две недели и получит его лицом к лицу, прямо из её уст на этом самом месте, где происходил их разговор, то есть, понятно, в «Белой Виле». Андрей просил её не писать писем и не посылать sms. Решение это, быть может, и было приправлено излишней мужественностью, а то и театральностью, но беря во внимание его нрав, как я его успел познать, единственно здесь возможное.

В аэропорт Андрея повёз я, потому что его друг давно уже был дома, а тратиться на такси не хотелось. Но, говоря это, я имею в виду вовсе не одиннадцать

евро: Иванка с нами не поехала, а я в каком-то смысле исполнял обязанность её заместителя. Тем не менее всю дорогу до аэропорта мы молчали, всего пару раз обменявшись незначительными репликами.

– Редко такое случается, – обронил он на прощанье.

– А с некоторыми – никогда, – дополнил я.

Понял ли он, что именно я вложил в эти слова, я не знаю. Воздушное судно стояло на взлётной полосе и к нему в красных костюмах «Аэрофлота» шли весёлые стюардессы.

* * *

Врдола затаила дыхание. Страна находилась на пороге вступления в Северо-Атлантический альянс, азиатский руководитель и заокеанский президент клялись испепелить друг друга ядерными томагавками, но всё это обращало на себя внимание жителей Врдолы не более, чем круизные теплоходы, ежедневно вползающие в бухту. Всех занимало лишь одно: случится ли то, что должно было случиться, и если да, то как всё пройдет.

Вопросов, собственно, стояло два: приедет ли Андрей и что решит Иванка. На мой взгляд, дело было ясное и беспокоиться не стоило, и всё-таки червь сомнения, как в незапамятные времена изумительно выразился безвестный книжник, точил и меня. А уж какие черви точили кумушек и мужичьё, торчавшее под тентами «Сречи», то есть «Белы Вилы», можно только догадываться. Иванка будто попала под обстрел испытующих взглядов, но держала себя как обычно и ничем не выдавала, в каком пребывает состоянии.

Между тем дни тянулись, и стали замечать, что Иванка скрывает беспокойство. Я узнал об этом от Алексея Артамоновича, проницательности которого я уже имел случай воздать должное. Одно он затруднялся объяснить: чем оно вызвано. То ли опасениями, что Андрей сыграл с ней нехорошую шутку, то ли предстоящим тяжёлым с ним разговором.

– Ах ты, господи, – бормотал Алексей Артамонович с трогательностью, присущей добросердечным людям. – Какая досада, что Ира не приедет. Она бы всё разложила по полочкам. Навела бы здесь порядок... Вот незадача!

– Алексей Артамонович, – напомнил я ему, – вы забыли своё излюбленное слово.

Он пожевал губами, согласно покачал головой и обречённо сказал:

– Среча.

Впрочем, нашёлся один человек, которого не интересовала не только Сирия с её поруганными святынями, американские выборы или испанский развод, но даже и Иванкина любовь. То был старый рыбак по имени Душан. Это был не любитель, выходящий на воду исключительно позабавиться, а настоящий рыбак, и в выходные дни его или его жену можно было видеть на городском рынке Котора, предлагающими свой улов. В один из этих томительных дней он, столкнувшись со мною случайно, сказал мне так:

– С ума, что ли, все походили? Моя жена только об этом и говорит, а уж если соседка зайдёт – совсем беда. Я уже из дома ухожу, чтобы этого не слышать. Понятно, вы люди приезжие, не всё видите. А я тут

всю жизнь прожил, много чего насмотрелся. Да тут такое случилось, тебе рассказать – так ты писателем станешь. А то Иванка! Как Бог пожелает, так всё и будет, и что об этом говорить?

– Так затем и говорят, – заметил я – чтобы угадать, как он дело повернёт.

– Да он уж всё решил, – сказал мне Душан и рассмеялся хриплым старческим смехом. – Да ещё тогда, когда и гор-то этих не было.

Казалось бы, разговор с этим беспечным фаталистом должен был поддержать во мне спокойствие, однако только растравил ум. Мне вспомнились все наши философствования с Алексеем Артамоновичем, и я, подобно алхимику, взвешивал на воображаемых весах граммы промысла и личного выбора. Но то ли весы я склепал негодные, то ли клал на них совсем не то, но чашки их, словно издеваясь, посекундно опускались и поднимались, не оставляя мысли ни мгновенья хоть какой-то определённости.

И вышло так, что первыми нервы сдали у меня. На правах временного поверенного в этой истории я ощутил потребность навестить Иванку, а если, успокаивал себя я, она сочтёт мой визит настырным, то уж как-нибудь даст мне это понять. С другой стороны, имел же я право заглянуть в знакомое местечко, куда из деликатности не навещался уже дней десять.

Надо сказать, что шагал я решительно. Разговор завяжется сам собой, рассуждал я, а если нет, на худой конец полюбуюсь на закат и побалую себя любимым пивом.

* * *

По счастью, «Среча» была пуста. К тому же и брат Иванки уехал к родственникам в Сербию, и трубные гласы временно нас не терзали.

В лице Иванки уже не было того ликующего торжества, поразившего меня в день приезда, а проглядывала почти детская беспомощность. Я выразительно посмотрел на портрет, сел на первый подвернувшийся стул и обратил к ней взгляд, приглашавший к разговору. От этого беспокойство её только усилилось, так как, вероятно, она подумала, что я явился с плохими вестями. Поэтому я взял быка за рога.

– Иванка, – сказал я. – Ты немного знаешь меня, а я немного знаю людей. Не могу сказать, что досконально, но достаточно. Ну, или самую малость – пусть так. Но в данном случае мне её хватает. Заверяю тебя: он будет здесь, вот на этом самом стуле именно тогда, когда вы там договорились. По-другому просто не может быть. Если будет иначе, грош мне цена.

– А сейчас сколько? – уточнила она насмешливо.

– Ну уж два – это минимум, – заявил я уверенно. – Если этого не произойдёт, я съем свою шляпу.

– У тебя её нет, – сказала она.

– Значит, куплю.

– А мне-то что с того? – резонно спросила она.

– В общем, – отрезал я таким тоном, который показал ей, что дурака отвалили, – дело за тобой. – Я демонстративно отвернулся и стал снова разглядывать портрет.

– Тяжело всё это, – призналась Иванка и, шумно выдохнув, как и я несколькими минутами раньше, плюхнулась на первое попавшееся сиденье.

– Выйдем на воздух, – предложил я, поднимаясь. – Что-то душно.

Она послушно последовала за мной, мы забрались в самый угол прикрытого маркизами пространства и сели не напротив друг друга, а рядом, поэтому смотрели в одну сторону.

– Сделаю-ка я себе кофе, – решила она, резко подскочив. – А тебе? Как всегда?

Я кивнул и подумал, что «всегда» однажды всё-таки кончается. Напротив остановились измождённые велотуристы с огромными грязными тороками на своих велосипедах и справились, где находятся апартаменты «Lola». Левой рукой я показал налево по ходу их движения и они, согнувшись над рулями, упрямо поползли дальше.

– Делать-то что? Как всё это будет? – спросила появившаяся Иванка, составляя с подноса на стол то, чем мы рассчитывали взбодриться или утешиться – это всё ещё казалось гадательным.

Из чашки, извиваясь, поднимался пар, а на стекле запотевших бутылок блестела испарина, и холодные капли медленно ползли вниз.

– Как тебе сказать? Как-то раз я выкопал на горе можжевельный куст и посадил его у себя. Но он не прижился. Я вовсе не хочу сказать, что не прижился бы и следующий... Но всё же каждое растение живёт на своём месте и не любит, когда его тащат куда-то ещё.

Иванка сосредоточенно молчала, будто слушала преамбулу судебного приговора.

– Но мы люди, а не растения, – продолжил я, – и можем перемещаться, куда хотим и куда можем. Есть у нас такое отличие.

– И есть ещё свобода воли, – добавила она. Это было неожиданно.

– Кто тебе это сказал? – спросил я, оборачивая к ней лицо.

– Отец Марко, – ответила Иванка и рассмеялась. – Тот, который служит у святого Луки в Которе... Великая истина, да?

Я и не думал её оспаривать. В нежно-жёлтом предзакатном небе самолёт из Дубровника вертикально набирал высоту. Короткая зеленоватая инверсия, которую он оставлял, казалась кометой, только летевшей не вниз, а вверх.

– Ты просто боишься, – сказал я, отбросив околичности.

– Да, наверное, – согласилась она. – Летят... – Она тоже следила за самолётом. – Куда-то они летят. Или откуда. Это для кого как. А я вот ещё ни разу не летала.

– Я вот всю жизнь пробоялся, – сказал я, – и вот мой единственный друг. – С этими словами я приподнял со столешницы пузатую бутылку «олёнёнка», поколебался и, прежде чем поставить её обратно, приложился к горлышку.

Сумерки поглощали предметы с неприметной быстротой. Но тут и там загорались звёзды, сначала тусклые, а потом, по мере того как сгущалась темнота, налитые и дрожащие от избытка своей непонятной нам мощи. И, возможно, своим мерцанием они давали понять, что мир, включая и наш залив, и Врдолу, не отданы на власть произвола.

– Да, – возразила Иванка, – но зато у тебя есть говорящая камелия.

– Говорящая-то она говорящая, – усмехнулся я, – но записываю-то за ней я.

СОДЕРЖАНИЕ

Камелия	3
Вилла «Мария».....	35
Среча	55
Ослик Якоб	84
Старый млин	96
Иванка.....	109

АНТОН УТКИН

Камелия

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

Подписано в печать 18.10.2018. Формат 80x100/32.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,062. Тираж 100 экз. Заказ 663.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»